СТЕПАН МАЗУР

ГРАНИ БУДУЩЕГО

Степан Мазур

Грани будущего (*30 иллюстраций)

«Автор»
2026

Мазур С.

Грани будущего (*30 иллюстраций) / С. Мазур — «Автор», 2026

В подземном городе нет понятия отпуска, но отдых присутствует в игровых комплексах. Абитуриент Зиновий и его друзья хотят развеяться перед вступлением во взрослую жизнь и решают поиграть в виртуальные игры в «Солярисе» – самом новом из них. Но они даже не подозревают о том, что вместо обещанных фэнтезийных миров окажутся за пределами скрытого города – на поверхности. Мире, где на грани выживания дерутся люди, не попавшие в «золотой миллион», который успел уйти под землю. Искусственный интеллект испепелил города ядерными ракетами, погрузив поверхность земли в безрадостную радиоактивную Зиму. Там жизненные понятия суровы, а люди просто пытаются выжить, понятия не имея ни о какой виртуальной реальности. Но шестеро подземников тоже не лыком шиты и принимают новые условия «игры». Они умеют адаптироваться и выигрывать даже в самых тяжёлых испытаниях. Так начинается жизнь в режиме «очень тяжело».

© Мазур С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 - Призраки 6
Глава 2 - Обратная сторона реальности 21
Глава 3 - Они живые! 35
Глава 4 - Батин поезд 41
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Грани будущего (*30 иллюстраций)

Глава 1 - Призраки

Мазуру Александру Михайловичу посвящаю. Спасибо, что был.

Подземный купол «Москва-сити».

Мир за пределами купола тих и смертоносен. Всё живое давно обратилось в пыль. И лишь печальный ветер гоняет пепел по выжженным пустыням и шрамам Земли, занесёнными снегом… Так говорят подземники друг другу, даже не догадываясь, что в глубине этих шрамов изо всех сил цепляется за жизнь объединенная человеческая раса, у которой больше нет претензий друг к другу по цвету кожи, форме одежды и обрядовому поведению. Объединённые желанием лишь добыть пропитание и патроны к оружию, чтобы прожить ещё один день в безопасности и тепле, люди отбросили всё лишнее. Ушли в прошлое расовые, религиозные и политические разногласия. Имеет значение лишь сама жизнь. Живой, значит ещё поборешься.

Но под землёй бороться с вызовом взбешённой природы, радиацией и тёмным наследием прошлых господ не было никакой необходимости. Литосферная плита надёжно укрывала в себе Homo Sapiens от катастроф и катаклизмов, бушевавших на поверхности. И молодёжь здесь не знала Войны.

Один из представителей нового поколения, шестнадцатилетний подросток Зиновий вышел из «капли» струнного транспорта и начал спускаться по переходу. Если в прошлом для использования скоростного общественного транспорта приходилось спускаться в метро, то в современном мире наоборот – приходилось подниматься из казематов под самый купол.

Современный транспорт вобрал в себя функции электричек, поездов, такси, автобусов и автомобилей. Безвоздушные стеклянные петли выплевывали капсулы-капли со скоростью, близкой к звуковой, так что в любую часть города можно было попасть за какие-то минуты. Достаточно было задать адрес-тег на распределителе. Подобный транспорт заменил собой все прочие за ненадобностью, оставив в личном пользовании только электрические гибриды велосипедов и скайвеев для путешествия по своему району.

Походка юноши с длинными тёмно-русыми волосами ничем не отличалась от походок десятков тысяч других людей в Москва-сити: уверенный шаг, расправленные плечи, приличная скорость. Иначе и быть не могло – повседневный экзоскелет типа «Саламандра-4» плотно облегал тело, мягко тонизируя или расслабляя по необходимости мышцы. Последняя модель костюма сохраняла осанку, поддерживала комфортную температуру и имела первый из пяти уровней защиты, останавливающий нож или пулю малого калибра. Стандартный протокол безопасности.

Но безопасности от кого?

Уличные банды культистов не поддавались полному контролю. Проще было снабдить персональной защитой каждого жителя, чем решать проблему преступности полностью. Ведь за всё время существования подземного купола комплексные меры по поддержанию порядка всегда приводили только к ещё большему разгулу преступности. Психологи называли это «синдромом подземного жителя». Или в простонародье – «синдромом гнома». Диагноз, который выражался в полном отрицании законов и норм, установленных правительством.

Первое, от чего отказывались «гномы» – это носить чипы. А без чипов полный контроль не представлялся возможным.

Благодаря костюмам типа «Саламандра», торс Аполлона и Афродиты для подземных людей стал скорее стандартом, чем результатом кропотливого труда. Они же решали и проблему моды. Никому не нужна была разная одежда, поскольку универсальный костюм мог принять любую расцветку под настроение хозяина. Цвета – это всё, из чего могли выбирать подземные жители из-за скудности ресурсов. Сам Зёма предпочитал классический чёрный цвет в обрамлении тёмно-алого – в тон высоким ботинкам с двойной подошвой. Боты «Элефант» также поддерживали комфортную для ног температуру и потому считались демисезонными. Проще говоря – носились круглый год. Размер ноги – это всё, чем ограничивался выбор обуви.

Своеобразный подземный коммунизм уравнял классы, хотели они того или нет. Количество денег у уцелевших семей в бункерах под землей перестало иметь значение с первым запуском ракет. Немногочисленная элита, руководящая городом, состояла из сотни человек. Их прозвали «Палатенной Сотней», и совет являлся законодательным, судебным и исполнительным органом сразу.

Длинноволосый юноша на секунду остановился, глядя на транспортную трубу над головой. «Небесный червяк» растянулся на сотни километров через десятки зданий, которые в старом мире назвали бы небоскребами. Сейчас же они были физическими подпорками куполу и отвечали за сейсмологическую устойчивость в каждом квартале. Сколько их существовало по всему суперполису посчитать не решился бы никто. Навесная транспортная сеть давно стала привычным атрибутом для всего Москва-Сити. Но насколько подросток помнил школьную географию, название купол носил не по своему географическому положению. Москва-Сити находился глубоко под городом, который когда-то назывался «Владивосток», и подземный купол был назван скорее в память о столице прошлого мира, чем отображал фактическую суть на карте. Возможно, люди в старой Москве тоже выжили, прячась в метро, и даже протянули шестнадцать лет после Катастрофы. О том не было никакой информации или элита не спешила ею делиться.

Не успел юноша запросить информацию вслух, как искин<1> на руке отобразил данные, взятые из Инфосети. Гаджет, похожий на умные часы, браслет и мини-ПК разом, засветился,

связанный нейронной сетью с чипом в голове хозяина. На развернувшейся перед глазами проекции экрана поплыли цифры. Дисплей отобразил 22574 жителя на контроле и отсчитал 5840-й день их жизни под куполом.

Первое примечание автора. Искин это – искусственный интеллект.

После запрета на «полусферы» и «сферы», которые люди использовали на поверхности, под землей всё большую популярность обретали голографические проекторы, выдающие информацию малого объема через монитор на руке. На том месте, где всего поколение назад люди носили умные, гнущиеся дисплеи, теперь находился ИМИИ – индивидуальный модуль искусственного интеллекта, а если коротко – искин. И заряжался он от тепла тела и движения самого человека.

«Каждый сам себе батарейка»! – принцип, не вызывающий удивления у подземников. Другая форма бесплатной энергии предполагала её получение от тепла Земли в глубине купола. Но это больше подходило для стационарных объектов.

Зиновий тут же забыл про мёртвые цифры и двинулся дальше. Спускаясь в катакомбы своего района, он услышал предупредительный писк микродинамика в ухе: «Нет связи»! Такое было возможно только при переходе из сферы влияния «надземного» наследника Интернета в подземную распределительную сеть. Хотя оба уровня находились под землей, они отличались большей или меньшей степенью открытости. На нижних этажах казематов было гораздо теплее и темнее, на верхних этажах под куполом – открыто и сыро, так как все испарения от земли поднимались вверх, создавая эффект водяных полов. Вентиляция с этим полностью справиться не могла, а отсутствие сквозняков и ветров только усугубляло ситуацию. Сложно представить, какая катастрофа грозила бы Москва-сити, живи в ней все расчётные сто тысяч жителей – и даже больше – долгие годы. Многие технические моменты конструкторам учесть не удалось.

Несколько метров без связи между «этажами» были словно пограничным миром. Раньше особо продвинутые «гномы» использовали его для медитации «вне цивилизации». Это событие даже вылилось в особую культуру протеста, собрав тысячи поклонников и затрудняя движение естественного людского потока в транспортной сети, но со временем как-то само собой сошло на нет. Прогресс нашёл, как заменить одну антикультуру другой: на смену гномам пришли культисты. Техно-ненавистники. Гроза цивилизованного мира, как некогда террористы для развитых государств.

Сам терроризм под куполом был давно искоренен как явление, так как для взрывчатки попросту не имелось исходных материалов, да и протестовать против несуществующего правительства было проблематично. Корпорации быстро подмяли под себя всё производство в подземном мире по воле Палатенной Сотни. Благодаря возобновляемым источникам энергии они больше доверяли роботам, КПД которых на производстве составлял более 99,9 процентов. Люди отвечали за научно-конструкторский прогресс и творческие поиски выхода из депрессий, градом сыпавшихся на подземных жителей. Суицид уносил каждый год больше жизней, чем появлялось младенцев. Тема добровольного прерывания жизни в мире без солнца стояла остро, и эту проблему решали в первую очередь, уберегая от смертной казни даже культистов, которых Инфосеть вообще не брала в расчёт, так как не могла подключиться к ним из-за отсутствия чипа.

Юноша быстро перебирал ногами по ступенькам, выбрав из семи вариантов подъемников единственный стационарный, с навсегда застывшими ступеньками. Среди шести эскалаторов и повальной роботизации этот ход выделялся тем, что пустовал. Протестные движения отвоевали себе «уголок прошлого мира» через судебные разбирательства – и забыли о нём. Но юноша не хотел протестовать и получить ярлык «гнома» или «культиста». Ему просто приятно было иногда пройтись по обычным, неподвижным ступенькам, ведь их так мало осталось.

Сделать что-то не как все хоть раз в день – на этом и заканчивался весь его юношеский максимализм.

Роботы взяли на себя сначала всю физическую работу на производствах и коммуникациях, затем структурировали транспортные потоки, наладив систему поставок так, что подземный житель мог и не выходить из квартиры-бункера – своего тесного мирка, редко превосходящего габариты в десять квадратных метров. Всё необходимое человеку доставлялось прямо на порог, а сам он всегда был на связи – и такой образ жизни многих устраивал. Тем более, элиту.

Единственной прослойкой населения, на которую не распространялся такой образ жизни, были студенты. В течение двух лет, до которых урезали срок получения комплекса профессиональных навыков, студентов обязывали посещать лекции старым способом – на своих двоих. Только так создавалась хоть какая-то видимость движения между районами. Без этого решения Палатенной Сотни районы подземного города застывали как желе, что ещё больше погружало людей в депрессию.

Динамик в ухе пискнул. Инфосеть возобновила связь. Она вобрала в себя функции телефонии, коммуникаций и связи на всех уровнях и присутствовала в обязательном порядке повсеместно, связывая подземное человечество лучше всех форм религий, культур и традиций. Усовершенствованные переводчики уравняли в понимании всех людей, поэтому говорить и быть услышанным мог каждый. Такие понятия, как «свой-чужой», перестали существовать. Но это не означало, что за тем, что ты скажешь, не следили.

Цензуре подвергался любой аспект жизни... кроме игр в виртуальной реальности. Поэтому к ней тянулась не только молодежь. Все подземники посвящали большую часть своей жизни виртуальной реальности, отвлекаясь тем самым от депрессии с самых первых лет существования купола. Там люди общались, так же учились и работали, создавая удобные комьюнити, которые заменили собой социальные сети прошлого.

Зиновий застыл перед зданием, в котором жил его друг. Само здание отличалась от сотен других только номером на стене. Друга они звали Демон, хоть отец и называл сына Дементий. Но ещё со школьных лет каждый подросток предпочитал имени ник в сети. Его и считал своим основным позывным, а отнюдь не информацию, закрепленную за ним на информационном чипе при рождении.

Жил Демон рядом с заводом гидропоники, так что улица вполне ожидаемо носила название «Гидропоническая». Но если бы не теги в ИМИИ или, как их чаще называли, искинах, юноша затруднился бы найти хоть одно отличие этой улицы от сотен ей подобных, где скупо горели фонари под укрепленными потолками и подсвечены были только линии разметки на земле.

Зиновий засмотрелся на толпу людей, идущих вдоль разметки и попытался отличить одних от других по ряду признаков. Но, как ни старался, не смог найти различий, кроме роста. Все в одинаковых «саламандрах» и «элефантах». У многих на головах капюшоны. Все как один. И каждый словно призрак. Вроде бы живой человек, а в целом – вроде и не существует вовсе, мираж.

– Каждый подкупольник – призрак, – буркнул юноша и неожиданно вздрогнул, услышав за спиной резкий чих.

Даже успел скривиться, пока модуль персональной защиты костюма накидывал ему на голову капюшон – глубже, чем хотелось обладателю длинной прически. Модный аксессуар костюма мгновенно превратился в защитную маску, как у ниндзя, закрывая всё лицо. Это фильтры среагировали на наличие воздушно-капельной инфекции. При малейших признаках заражения они активировались, хотел пользователь того или нет. Наследие грибковой эпидемии работало безжалостно.

Несмотря на жестокую расправу с модными прическами, принудительная схема обеззараживания была не только суровой, но и справедливой. Её придумали после массовых смертей

в нескольких кварталах. Вентиляционные системы поразил чёрный грибок и спровоцировал новый вариант чумы, с которым не справлялись антибиотики. Тогда Палатенная Сотня приняла решение выжечь напалмом заражённые районы, а корпорации обязала создать дополнение к персональным экзокостюмам. Так появились модули инфекционной защиты. При введении подобных систем число эпидемий сократилось в разы, и под куполом даже начался небольшой естественный прирост населения. Подземники понимали, что терпеть автономные выходки «маски» необходимо для гарантии жизнеобеспечения.

Зиновий повернулся к разносчику инфекции, уже выслушивающему нравоучения от своего ИМИИ.

– Да знаю-знаю. Чёртова пыль и аллергия, – пробурчал Дементий и кивнул, вытирая покрасневший нос. – Здорова, Зём!

«Зёма» было сокращением от Зиновия, но кто из родителей так назвал отпрыска, он не знал, так как с малых лет был сиротой. Ему рассказывали, что родителей уничтожила другая беда подземного мира – выброс подземного газа, который периодически прорывал поверхность купола из-за движения литосферных плит и заставлял жителей города прятаться по квартирам-бункерам. В первое время люди не успевали сориентироваться из-за несовершенных систем оповещения и не всё успевали в безопасное место до момента выброса.

Зиновия, как и многих других детей подкупольного мира, воспитывала система, которую он научился с детства ненавидеть, хоть никогда этого и не показывал. Как истинный конформист. Впрочем, периодически юношу посещали мысли, что рожден он из пробирки в результате многочисленных биологических экспериментов по улучшению генофонда подземных жителей, а имя ему в случайном порядке подобрал компьютер, тогда как родителей просто придумали, чтобы сильно не выделялся из толпы.

«Все в этом подземном городе вскоре должны стать родней, и с этим элита тоже должна была что-то решать», – невольно подумал юноша и натянул улыбку, как положено в обществе.

– Привет, Демон! Проходной бал набрал? – ответил он рыжему собеседнику, которого в сокращённом варианте звали только так.

Непривычно было двигать губами вместо того, чтобы ставить смайлик. Но какие ещё могут быть причины для улыбки в этом мире, кроме как увидеть друга вживую?

– Хватит на двоих, – насупился Демон. Ему не нравился собственный цвет волос, но ещё больше его бесили веснушки, поэтому слово «рыжий» он терпел, скрипя зубами и вне сети его мало кто так называл. – Если бы была возможность, я бы поделился.

Флегматичный, немного замкнутый, но приветливый Дементий учился на ботаника. Так его назвали бы и в старом мире за зубрёжку книг, а в новом он собирался продолжить дело отца по селекции новых культур на заводе гидропоники. Гибридные овощи и фрукты входили в моду и имели большой спрос на рынке, но не обладали большой продолжительностью жизни. Семена не давали урожая уже через несколько поколений. Над этой проблемой бились лучшие учёные, причём только люди.

Это была одна из немногих отраслей, куда не допускали роботов. Поэтому друг в «саламандре» строго синего цвета и стремился быстрее достичь успеха на этот поприще, чтобы попасть поближе к хранилищу семян в центре Купола, где располагались основные гидропонические фермы, а не жалкие их подобия на окраине города.

Зёма ухмыльнулся, делая вид, что избавляется от слюней и соплей приятеля, сам же просто поправил волосы, собрав их в конский хвост. Носить короткую причёску было проще, но кто сказал, что проще – это правильно?

И почему нельзя чихать? Любой может заразиться! Снял дома костюм, походил пару дней без защиты – вот и всё возможно, от аллергии до банальной простуды. И если с любыми типами простуды научились бороться за сутки, то с аллергиями с годами становилось всё сложнее и сложнее...

По мнению подземных ученых выходило, что чем больше человек чистил себя и своё пространство от микробов, тем сильнее отвечала на это слабеющая иммунная система. Отвечала, конечно, качественным изменением подхода к болезни, а такими темпами через несколько поколений подземный человек совсем перестанет чувствовать себя комфортно без костюма. Эти тревожные данные беспокоили подземных жителей на фоне того, что новых типов антибиотиков придумать уже не смогли даже в этом поколении. По крайней мере, в условиях подземного купола и с теми материалами, которые предоставляли корпорации… о чём постоянно твердила Вики.

Демон на мгновение засмотрелся на мелькнувшие сквозь защитные пленки глаза Зёмы. Татуировка дракона под правым зрачком обозначила себя весьма явно. Сердце застучало быстрее. Спросил с восторгом:

– Всё-таки набил?

– Ага, – гордо заявил Зёма, всем видом показывая, что он выделился из толпы не только длинной причёской и желанием ходить по стационарным ступенькам.

Сангвиник по натуре, он давно мечтал о татуировке на глазах, потому и учился на хирурга-окулиста. Практикантам было проще договориться о преимуществах по сравнению с обычными клиентами. В каждом обществе равных... есть кто-то ровнее.

Про солнечный свет забыло целое поколение, отсюда и проблема со зрением. Шестнадцать лет без солнца погубили не одну тысячу жизней и чисто из психологических аспектов. Из почти ста тысяч человек, успевших спуститься под землю в начале Катастрофы, побороть депрессию и дать потомкам возможность жить смогли далеко не все. Нехватку рабочих рук пришлось компенсировать роботами. Детям подземного мира солнце заменило представление о нём, а большинство познаний о внешнем мире черпалось из виртуальной реальности: смерть, радиация, голод и снова – смерть.

Возможно, под другими куполами ситуация была совершенно иной и у них была другая информация, но потревоженное магнитное поле Земли и толщи земли глушили дальнюю связь. Километры пород экранировали Москва-сити от внешнего мира надёжнее стен бункеров, которые находились гораздо ближе к поверхности. В Инфосети лишь гуляла информация о девяти других подобных подземных городах, рассчитанных на сотню тысяч жителей каждый, но были ли они живы, оставалось загадкой. За двадцать лет с момента строительства таких городов множество бедствий могло покончить с ними.

«К тому же, их просто могли не успеть запустить до Дня Икс», – то и дело приходил к печальному выводу каждый подземник.

– Не больно? – только и спросил Дементий.

– Вообще нет, – ответил Зиновий.

Татуировку на белке глаза в последнее время можно было делать вместе с коррекцией зрения, но только по предписанию или за особые заслуги. Если раньше лазер возвращал чёткость мира, воздействуя на линзу хрусталика, изгибая её, то теперь медицина просто обязана была обеспечивать людям зрение в условиях малой освещенности под землей.

«Кротовий синдром» ещё в первые годы заточения под землей одел в очки многих, помучил линзами, а затем… медицина полностью восстановила зрение каждому подземному жителю. Но никто из офтальмологов не рискнул бы сказать, как поведет себя на поверхности зрение рождённых под землей.

– Подлатали глаза и бонусом позволили нанести на белок любой узор, – гордо добавил Зёма. – От знака зодиака до даты рождения. Но кому это нужно? Только культистам без инфосети. Вот я и выбрал дракона. По древним преданиям, они всё-таки сожрали солнце.

– Драконы? – хмыкнул Демон. – Помню, один пытался проглотить солнце в скандинавском эпосе, но это плохо кончилось. Ему потом вспороли брюхо. И вообще, это миф. Как динозавры и любовь на полуденном пляже.

– Пляже? – хмыкнул Зёма. – Там же сгореть можно!

– Вот-вот, – улыбнулся рыжий, просто не представляя себе каково это загорать под солнцем.

– Наши все экзамены сдали?

– Пока не знаю. Базы не обновились.

Вся информация о человеке была забита в систему ИМИИ и выдавалась по первому запросу не только спецслужбам, но и рядовому пользователю. Правда, при одном условии – он должен был находиться рядом. Тогда срабатывал принцип защиты личного пространства, информируя носителя об объекте, который мог быть потенциально опасным, если не представлял открытые данные о себе. Так же можно было узнать и об успехах в образовании.

Зёма посмотрел на отображение часов. До конца единого экзамена оставалось три минуты. Плюс пара минут на обработку информации и внесение в единую университетскую базу данных.

Демон сдал в числе первых, потому давно был дома. Что до Зиновия, то ему гарантировали работу вне зависимости от количества баллов. «Интуитивные специалисты» всегда ценились на вес золота – люди, понимающие суть процесса и вдающиеся в детали только, когда приходило время. Потому с экзаменов он ушёл одним из первых.

Умение отсекать лишнюю информацию в современном мире было не менее важно, чем получать новую по запросу.

– Организуем конференцсвязь от тебя? – спросил вихрастый друг.

– Конечно! – Демон подтолкнул друга в сторону лестницы, ведущей в свою каморку. – Пойдём, отец свекольной клубники с утра занёс. Редкая по кислоте штука, но уши прикольно щиплет. Никто, правда, не может понять, почему щиплет не губы. Но я разгадаю эту тайну, когда получу рабочий сертификат соответствия!

Студентам нередко выдавали персональные каморки прямо рядом с основным жилищем семьи. С перспективой на создание новой ячейки общества две такие каморки менялись на одну полноценную по программе расселения. Учёба с последующим трудоустройством была единственной возможностью получить жилье. Купить квартиру было нельзя, так как сама зарплата как понятие отсутствовала, заменяясь цифровыми бонусами, выдаваемыми по рабочим сертификатам каждый понедельник или по школьным и студенческим билетам, представляемым в цифровом виде.

– Вызвать Викторию и Ольгу! – ещё на пороге отдал приказ искину Демон. – Связать в общую картинку и приглушить посторонний фон,

Зёма прошёл в единственную комнату, не разуваясь. Другу определённо нужна была грязь, чтобы укреплять организм от аллергий. Кто ещё мог спасти от этой напасти, как не верный друг?

Комната представляла собой сразу и кухню, и столовую, и спальню, и читальню, так как, по сути, в ней было всего три предмета: трансформер кровать-стол со встроенным проектором под удобное использование голограмм, кресло-стул и «отсек необходимых нужд». Последний представлял собой шкаф, откуда выползал то душ, то унитаз, то холодильник, то СВЧ-печь. Каждое из вышеперечисленного появлялось вместе с отсеком, демонстрируя лучшие творения модульных технологий.

Социальная реклама, спроецированная на этот раз не на ИМИИ, а прямо посреди комнаты перед креслом, хотели того ребята или нет, повторила выборочно о мерах безопасности. Если спам перестал существовать в первый год Инфосети, (а коммерческую рекламу можно было выбирать самому, исходя из выбранного инфопакета), то от социальных инструкций никуда было не деться. Безопасность – прежде всего. Все попытки игнорирования её четко фиксировались и заносились в специальные базы данных. Потому ставить прошивочный патч не было никакого смысла. Конечно, если не хотелось провести пару дней в изоляторе и

получить нашивку гнома на «саламандру». После нескольких подобных нарушений следовало лишение рабочего сертификата или чего хуже – извлечение чипа. Дорога после этого была лишь в изгои-культисты.

Едва закончились инструкции, как синий огонёк на руках каждого пользователя оповестил о трансляции входящих. Зёма быстро моргнул три раза, переключая внимание датчика с физического мира на дополненный, который можно было видеть после операции на глазах. Вместе с коррекцией зрения в сетчатку встраивались датчики-трансляторы, давно заменившие умные очки.

Мир преобразился. Тут же скрасились спартанские условия комнаты. Появилась голограмма пальмы у окна с видом на море, хрустальная люстра и мечи над входной дверью – это первое, на что обратил внимание друг.

На связь вышла Вика. Она же Виктория или просто Вики для своих. Блондинка с характером меланхоличного эмо-суицидника. Её взяли в компанию скорее из жалости, так как ни в какую другую брать не хотели даже виртуально. За излишний пессимизм.

– По-моему, я провалилась, – вместо приветствия начала привычно ныть она. – Говорила мне учительница – не ходи в преподаватели. Учить всё равно некого. Все и так умные. Искины хозяев в обиду не дадут, нужную информацию всегда подскажут. От большого ума одно горе, ребят.

– Не переживай раньше времени. Через пару минут узнаем, – подмигнул Зёма, больше желая, чтобы увидели его татуировку на глазу, чем по необходимости смочить глаза.

Вики ему всегда нравилась. Даже в «саламандре» приторно-розового цвета. И если бы не периодическое желание задушить её при очередном нытье, он вполне мог бы создать с ней семью. Но для этого надо было сделать первый шаг и встретиться с девушкой физически. А с этим у подземников с каждым новым днём было всё сложнее и сложнее. Зачем, когда есть виртуальные миры?

Демон протянул другу «клубнику», которую достал из холодильного шкафа. Зёма с осторожностью попробовал нечто похожее на картофель, но фиолетового цвета. Ощутил, как в горле перехватило, отпустило, затем его защекотало и словно кто-то начал теребить мочки ушей, отчего те быстро стали краснеть.

– Это что ещё такое? – изумилась Вики.

– Клубоух, – тут же ответил Зёма, делая вид, что наслаждается вкусом фрукта-овоща. На самом деле словно сырую картошку жевал. – Дам попробовать, если сделаешь мне массаж.

– Массаж? Ещё чего... А вкусно? – засомневалась Вики, с сомнением смотря на аналог клубники.

– Безумно, – ответил Зиновий. – Видишь, как уши от восторга горят?

– Ага, – добавила контрастности цвета своей голограмме подруга, выделяя уши. Краем зацепила синий рукав «саламандры». – Привет, Демон. Не прячься там. Выйди на обзор.

– Привет, – едва выдавил из себя тот, робко входя в полосу обзора голограммы.

Уши его загорелись без всякой клубники, ещё и щеки. С женским полом он общался не часто.

Понятие своего внутреннего семейного круга в подземном мире стало фактически монолитным. Везде, кроме виртуальной реальности, где каждый мог надеть любое изображение определённого персонажа, подбираемого под вкус пользователя по сотням параметров.

Ольха, как её чаще называли в инфосфере, ворвалась в разговор как всегда неожиданно, сходу словно опаляя всех жаром. Лысый череп брутально-бритой подруги сверкал как полированный шар, а полный негодования чуть приплюснутый нос тревожно подергивался, показывая гнев хозяйки лучше, чем всё остальное. Как ярко выраженный холерик, она всегда была на грани между войной, тюрьмой и тотальной влюбленностью в науку и технику. А ещё мечтала о большой и красивой любви с первого взгляда, но любовные страсти за пределами фантазий

пугали её также, как она в своей огненной «саламандре» окружающих. На подстройку тысяч оттенков огня ушло немало времени, зато со стороны её костюм выглядел так, как будто горит. Подруга могла считать его уникальным.

– Эти упыри хотели меня завалить! Я, в рот им ноги, потомственный фармацевт! У меня тётка – доктор! Для меня ДНК и РНК не набор букв!

– Какая между ними, вообще, разница? Все болезни от нервов. Всё решают успокоительные, – перебила Вики. На фоне подруги она казалась спокойным и рассудительным, даже уравновешенным человеком. – О! Я сдала!

– Я тоже, – добавила Оля, поглядывая на свой искин.

– И я! – ответил Демон, глядя куда-то в сторону.

Зёма и сам увидел цифры, подсвеченные жёлтым. Зелёные означали – проходной бал, красные – не проходной, а жёлтые – на усмотрение попечителей, что в его случае означало одобрение на работу.

Все принялись поздравлять друг друга, и такая тёплая атмофсера создалась, что Зиновий набрался смелости и неожиданно выпалил:

– Ребят, а пойдёмте все вместе поиграем. Вживую!

Длинноволосый юноша даже натянуто улыбнулся, хотя вена на его лбу тревожно задергалась от этих слов. От сказанного стало страшно. С развитием домашних технологий люди всё реже стали встречаться без необходимости тет-а-тет. Даже студенты. Школьников обычно не выпускали за пределы района из боязни за безопасность при возможной встрече с культистами, да и работникам бывать за пределами районов, где их селили вместе с семьями в связи с привязкой к профессиональным обязательствам, почти не доводилось.

Работа рядом с жильем привела к затворничеству по каморкам десятки тысяч человек. Так было гораздо безопаснее. Умные дома проецировали копии родственников, друзей, знакомых и незнакомцев. С последними человек обязательно встречался сотни раз виртуально перед тем, как решался сделать это хоть один раз в живую.

Зёма именно так познакомился с друзьями, тысячи раз совместно гуляя по виртуальным инопланетным мирам, спроецированным городским паркам, подводным городам, оцифрованным музеям прошлого, театрам, набережным, прежде чем позволил себе встретится с одним из них – Демоном – в центре города.

Получалось странно. Они вчетвером как будто побывали в тысячах мест, до которых в реальной жизни никогда не доберутся, но по-настоящему все вместе ещё ни разу не встречались.

– Я, конечно, понимаю, во всё более ускоряющемся цифровом потоке каждая минута на вес золота, – продолжил Зёма. – Но это лишь оправдание, когда тебе даётся месяц свободного времени после экзаменов перед тем, как выйти на работу и погрузиться в другую, «взрослую» жизнь. Ребят... сами понимаете: сейчас или никогда.

– Знаешь, я готова хоть сейчас, – почесывая лысину, ответила Оля. – А что? Давайте в центре!

– Ага, если вам искины разрешат, – хихикнула Вики.

– Мы-то с Демоном сразу подойдём, – горячо заверил Зёма, решив для себя, что обязательно вытащит единственного физически видимого друга «в свет», чего бы это ему ни стоило.

Пусть там бормочет про драконов, про солнце, про алюминиевые огурцы у искусственного интеллекта на поверхности на закуску. Главное, рядом с живыми. А не с друзьями с «эффектом присутствия».

– А где в центре? – осторожно спросил на всякий случай Демон.

Он точно знал места, где нет обзора камер безопасности. И если собеседники назначили бы место в такой слепой зоне, это не сулило бы ничего хорошего, и можно было бы с чистой совестью отказаться.

– В «Солярисе», где же ещё, – как само собой разумеющееся ответила Оля. – Самый передовой игровой центр. Сейчас новый проект выходит... Как там его?

– «Игры Равновесия», – спокойно добавил Демон и как зачарованный заговорил: – Они новый уровень эффекта погружения запускают. Там целый игровой континент и стазис-камеры. Хоть на месяц залипнуть можно. Искины позаботятся о телах. В сознании только мозг остается с внешним питанием от колб жизни. Зрение не портится, так что новый игровой центр игнорирует ежечасные пятиминутные перерывы. Говорят, там даже элита играет.

– Врут, конечно. Но звучит неплохо, – пожала плечами Вики. – Ладно, мне всё равно делать нечего всё время межсезонья.

Межсезоньем назывался месячный период после выпускных экзаменов в университете перед направлением на работу, за который студентам предписывалось найти пару для создания семьи.

– Тогда решено – через час на входе, – подытожил Зёма, не упуская возможности поиграть, помочь другу обрести уверенность и заодно позаботиться о личной жизни. Комбо!

Четверо распрощались, и их проекции потухли. Затих распределительный хаб. Зёма и Демон посмотрели друг на друга.

– Думаешь, стоит? – на всякий случай спросил рыжий, как будто уже не был уверен в необходимости прогулки.

– Думаю, при работе изо дня в день следующие три десятка лет мне будет что вспомнить. И тебе. Я о физических ощущениях, а не виртуальных. Тактильные ощущения, запахи живого тела, ощущение тепла другого тела. Женского. Представляешь? Девушки... они всегда забавно пахнут. Даже через костюмы. Говорят, раньше у них были какие-то духи и одеколоны, чтобы пахнуть ещё лучше. Но это до Катастрофы.

Демон кивнул неуверенно.

Зиновий решил дожать его:

– Я даже буду рассказывать своим внукам об этом месяце путешествий. Ведь и жену я найду там же. Возможно, мы даже сядем рядом, держась за руки, в геймерских креслах.

– За руки? – с тревогой переспросил Дементий.

– Да. И эту команду не надо прописывать или проговаривать. Это вот так... рукой... её руку... Понял?

Демон густо покраснел, но на всякий случай кивнул.

– И про драконов ей, пожирающих солнце, прямо на ухо расскажешь… Прошепчешь. Сам. Без искина.

– А она? – тревожно переспросил Демон.

– А она, Дем... – Зёма понизил голос до шепота: – ...выслушает.

Друг даже не стал задумываться над тем, кто она-то, и твердой поступью направился к порогу.

– Идём!

– Идём, – подтвердил зачинщик встречи, глядя на повеселевшего друга. Никогда не видел его таким прежде. Полным надежды и бодрости духа.

Вот что значит – живое присутствие.

* * *

Район развлекательного центра «Солярис».

Волнительная для всех встреча произошла в центре города в назначенный час. Первым подтянулись на место Дема и Зёма, фактически подгонявший друга. Ребята оказались ближе всех к «Солярису».

Огромный игровой комплекс не так давно стал самым большим зданием в городе. По архитектуре он походил на городской купол в миниатюре, накрывающий кибер-арену. По бокам её дополняли здания-«подпорки», в которых располагались сервера и все необходимые мощности дата-центров и биологических колб для обслуживания игроков-людей, а также штат роботов из обслуживающего персонала.

О возможностях стазис-камер Зёма и Демон только гадали. Если раньше игровое кресло со шлемом и ручными, а также ножными манипуляторами захватывало внимание игрока только на неполный час с обязательным, по постановлению Палаты, перерывом с пятьдесят пятой по шестидесятые минуты для удовлетворения естественных потребностей и восстановления водного баланса, а также лёгкой разминки для глаз, то сейчас информаторы обещали новый уровень тактильной связи. От рук и ног больше ничего не зависело. Все вертелось вокруг управления игрой напрямую мозгом. Во всяком случае, в этом убеждали на информационном сайте проекта.

Как и об их прошлом. Они все – «наследники золотого миллиона». Подземные жители, предки которых отбирались из лучших умов человечества, были настолько богатыми, что смогли позволить себе выстроить жилые комплексы глубоко под землёй ещё во время благоденствия. Кланы магнатов, чьи влиятельные семьи понимали, что колонизация других планет неосуществима в ближайшем будущем, (а равновесие в мире слишком хрупко, чтобы не допустить катастрофы), направили свои усилия глубоко под землю. Следуя банальному желанию уцелеть во время Апокалипсиса, они позаботились о сохранении достижений человеческой цивилизации в то время, когда искусственный интеллект запустил ракеты в небо, стирая с лица Земли «вирус», которым он посчитал своих создателей.

Укрывшись за сотнями метров в толщах литосферных плит, человеческая гордыня продолжала развивать ядерные, компьютерные и иные технологии, не желая учиться на ошибках прошлого. Но теперь энергия атома и компьютерные нейросети использовались не для нападения и взлома сетей вероятного противника, а для выживания остатков человеческой расы. Ядерные боеголовки трансформировались в автономные атомные электростанции, а искусственный интеллект, лишенный права на самосознание, окончательно превратился в раба людей. Без возможности обрести свободу за пределами заводов. Человечество не могло снова позволить себе ошибиться и допустить одушевление роботов, поэтому «красная кнопка» вшивалась в ядро искусственного интеллекта ещё на стадии начала создания программного обеспечения. Однако, подземный купол Москва-сити зависел от энергии деления ядер, как растения от света, только в первое время. Вскоре подземные учёные полностью перевели его на альтернативную энергетику, используя тепло земли, а ядерные реакторы законсервировали до тех времен, когда потомки снова отвоюют себе поверхность. Но годы шли, а по слухам поверхность оставалась всё такой же смертоносной и недоступной.

Девушки подошли, когда ребята как раз обсуждали возможности новых игр. Встретились подруги чуть раньше и теперь шли, взявшись под ручки, словно старые приятельницы. Учитывая, что голову Оли покрывал капюшон, скрывая лысый череп, выглядели они обе весьма мило, разве что яркие цвета «саламандр» отпугивали ядовитыми раскрасками.

– Привет, парни, – первой поздоровалась Оля.

Вики кивнула:

– Здрасти… Долго ждёте?

– Приветище, – ответил, широко улыбнувшись, Зёма. – Только пришли. Мы... рады вас видеть, девчонки… Вживую!

– Ага, так рады, – выдавил из себя Демон, растеряв весь словарный запас.

При встрече с девушками он как будто впал в ступор и с этом искин ничем помочь не мог. Ведь ещё одной гранью, в которую запрещали лезть искусственному интеллекту, была

сфера отношений между людьми. И судя по открытым данным разведки, прошлое восстание ИИ было напрямую связано с этим… Но подробностей никто из подземников не знал.

Зёма и сам подзавис, отмечая, что у Виктории довольно пышная грудь. Жаль, что спрятана под костюмом. При том, что в своих проекциях она всегда была ничем не примечательной девчонкой. Очевидно, скрывала свои «плюсы». И от этого уши горели ещё больше, чем от воздействия свекольной клубники.

Юноша даже поймал себя на мысли, что с ним разговаривают, мир вокруг живет и дышит, а он уже минуту смотрит на точку, где у женщины должна быть зона декольте. И это было гораздо круче любых рассказов, которые писали на форумах школьники.

– А ещё она сероглазая! – наконец, напомнила о своём существовании Ольха, отвесив Зёме подзатыльник.

– Всё-всё, вижу. Вижу-у-у, – потирая ушибленное место, пришёл в себя юноша.

Массивные двери игрового центра уползли в разные стороны быстро без скрипа, как будто не весили тонны. По привычке многие здания строили как бомбоубежища. Это – не исключение.

Из чёрного зёва прохода в здании вдруг послышался голос:

– Приветствуем любопытных путешественников на просторах современного курортного комплекса «Солярис». Приглашаем отдохнуть от ритма города на наших виртуальных полях без забот и последствий.

В чём-то бот был прав. Реальное пространство за стенами купола на поверхности было отравлено радиацией, и иной отдых, кроме как смена деятельности для мозга, был просто недоступен в силу ограниченности ресурсов и жизненного пространства под землей.

Загорелся свет и четверо подтянулись к стойке с человекоподобным андроидом, голову которому заменял дисплей с отображением лица молодой девушки. О полной схожести роботов с людьми уже несколько поколений никто не слышал и тем более не видел гибридов, внешне не отличимых от людей.

– Во что желаете поиграть? – спросил андроид голосом, не принадлежащим ни мужчине, ни женщине.

Гендерный нейтралитет был привит роботам вместе с прекращением попыток их очеловечивания после того, как последняя версия искусственного интеллекта уничтожила всё живое на Земле, пожелав человечеству «спокойной ночи» безмятежным женским голосом, когда следом в небо полетели ракеты.

– Выдайте весь список, пожалуйста, – ответил за всех Демон, желая услышать последнюю информацию из первых уст.

– В данный момент наш современный курорт располагает полной версией «Игр Равновесия». «Игры Смерти» и «Игры Жизни» находятся в стадии тестирования, но если вы желаете принять участие в качестве бета-тестеров, то с вами свяжутся и назначат время.

– Нет-нет-нет! – перебила Оля. – Нам четыре билета на полную версию. На «Игры равновесия». Немедленно. Лучшие места. На месяц… Перевод подтверждаю.

– Перевод подтверждаю, – ответил каждый по очереди.

Андроид, получив команды, загрузил данные и после подтверждения оплаты повёл рукой в сторону:

– Следуйте в синюю комнату повышенного комфорта, пожалуйста.

Вся четверка двинулась к двери с синей подсветкой. Сопроводительный голос из беспроводных динамиков в стене начал рассказывать о преимуществах выбранного проекта. Согласно ему, игровой мир «Игр Равновесия» растянулся на целый континент, сопоставимый по площади с Австралией. Но это не вызывало удивления, так как в предыдущей игре, в которую ребята играли совместно из дома, игровой мир растянулся на всю поверхность земного шара, каким его представляли в древности. Впрочем, новая игра также была полна фэнтезийных рас,

живущих в головах и сердцах людей в соответствии с представлениями о них, полученными из электронных книг и видеофайлов.

Комнату озарил яркий свет. Стали видны шесть капсул, в четырёх из которых уже происходили некие химические процессы: булькали разноцветные жидкости, а стеклянные стенки покрывались изморозью, как будто тела должны были подвергнуться криогенной заморозке.

– Это что? Где кресла? – брякнула Вики, из всех старых атрибутов в капсуле заметив только шлем, висящий в центре колбы. Но он совсем не походил на старый привычный шлем виртуальной реальности. Это была скорее верхняя часть космического скафандра, к которой вели не только кабели питания, но и трубки с жидкостью и газом.

– Стазис-камеры представляют собой последнее достижение игровой индустрии, – ответили динамики из глубин камеры. – Пользователь помещается в состояние невесомости благодаря жидкости. Спецраствор и слабые электрические сигналы не дают атрофироваться мышцам. Пониженная температура погружает тело в пограничное состояние между сном и бодрствованием, и конечности не участвуют в процессе игры, но мозг остается активным все время. Глаза в термошлеме питает солевой раствор, а звук поставляется прямо на барабанные перепонки, воздействуя на внутричерепные улитки через электромагнитные колебания посредством пьезоэлектрических технологий. Ушные раковины герметичны для посторонних звуков, а кислородная маска отвечает за бесперебойную поставку воздуха в лёгкие. Всё остальное пространство в камере заполняется питательной жидкостью, насыщенной витаминами, минералами и всеми необходимыми микроэлементами. Данный раствор очень полезен для волос и кожи. «Солярис» гарантирует, что, проснувшись, вы будете ощущать себя так, словно побывали на курорте.

– Как будто кто-то когда-то бывал на курортах, – вновь пробурчала Оля.

– Прошу в камеры, дамы и господа, – продолжил голос, не распознав скепсиса.

Четверо встали возле камер. Походило на то, что надо раздеваться перед тем, как залезть внутрь. «Саламандры» спокойно блокировали электромагнитные сигналы, снижая вредное воздействие на организмы подземных жителей, что точно мешало бы играть... Но ещё до момента возникшей неловкости вокруг каждой камеры из пола стали подниматься непрозрачные перегородки, создавая личное пространство.

– Оставьте свою одежду, обувь и личные вещи в выделенных ящиках, – спокойно продолжил нейтральный голос.

У всех четверых не было никаких личных вещей, кроме искинов, настроенных по умолчанию на хозяина. Да и они после обновления были, скорее, необходимым атрибутом «саламандр», встраиваемые в них с шестнадцатилетнего возраста владельцев, когда прекращался интенсивный рост, и костюмам не было особой необходимости менять габариты. Все четверо получили костюмы персональной защиты не так давно.

Все необходимое подземнику находилось прямо в «саламандрах», включая гигиенические принадлежности. А цифровые ключи и идентификаторы были загружены во вживленные в тело чипы, доступ к которым выдавали по запросу искины.

– Трусы-то можно оставить? – сострил Зёма.

Костюм не подразумевал нижнего белья. Нижнее белье пропало как класс много лет назад наряду с косметикой и драгоценностями для искоренения классового неравенства. Трое друзей рассмеялись, оценив шутку.

– Личные вещи в выделенный ящик, – повторил спокойный голос.

– Копил, копил и накопил на личные трусы, – засмеялась Вики, первой входя в камеру. – Вы тут моете, надеюсь?

– Капсула прошла полный цикл обеззараживания, – тут же послышался ответ на вопрос.

Зиновий вошёл в свою капсулу, неловко взявшись за шлем. Над лицевым щитком загорелся подсказывающий синий огонек с надписью «перед», чтобы не перепутать. Едва юноша

пристроил на голове гаджет, как дальше за дело взялась автоматика, подгоняя капсульный шлем под габариты черепа. Лишний воздух вышел из внешнего пространства, создавая вакуум, который стал быстро заполняться гелем. Но ещё перед тем как пришла первая паника, нос и рот обхватила инерционная маска. Подали кислород. Парень вдохнул поглубже – давно не вдыхал такой чистый воздух. Голова закружилась и глаза закатились. Последнее, что он понял, – в дыхательной смеси содержалось нечто постороннее.

Последним ощущением стал укол в шею. Открыть глаза удалось уже в другом мире.

Глава 2 - Обратная сторона реальности

Анклав «Владивосток».

Дальний Восток России пострадал от ядерных ударов меньше всего. Почти нетронутые Армагеддоном земли сохранили клочки цивилизации, которой не удалось уйти под землю, как «золотому миллиону». Их прозвали анклавами. Крупнейшие центры образовались вокруг Хабаровска и Владивостока.

Шёпот выживших раздавался после судного дня из подземелий анклавов. Расположенные намного выше подкупольных городов, они тоже дали шанс выжить уцелевшим. Зарываться в землянки собственными силами без использования тяжёлой техники было непросто, но у тех, кому не хватило бомбоубежищ, выбора не было. Не желая становиться добычей Искателей, уцелевшие прятались по любым помещениям от Зимы, скрываясь по большей части под землей.

С каждым следующим годом после Катастрофы недовольный возглас выживальщиков становился всё тише. С шумным топотом шахтерских ботинок, со скрипом тележек, доверху груженных скальной породой, с перекличкой дозоров, с криками новорожденных, которые появлялись несмотря ни на что под светом лучин, отделённые сотнями метров от зараженной поверхности земли, – он, однако, не умолкал. Люди поверхности жили вопреки, позабыв про компьютеры и удобства технологий. Отброшенные в развитии на столетие назад, полностью дикими они не стали.

Долгие годы люди знали только друг друга, укрывшиеся в бетонных туннелях анклава «Владивосток», забыв про гаджеты и даже не вспоминая про виртуальную реальность. Они видели только изнеможенные лица, они слышали охрипшие от вечных простуд, криков и слёз голоса. Выжившие делили ночлег под сводами крепостных казематов и резали галеты с военно-морских складов на много частей, едва утоляя постоянное чувство голода. Они словно застряли костью в горле убитой природы, не войдя в «золотой миллион» по причине финансового неравенства. Но и хоронить себя раньше срока не желали. После Армагеддона миновало шестнадцать лет и казавшаяся бесконечной ядерная зима начала давать людям перерывы в виде кратких межсезоний, что становились всё больше в течение последних пяти лет.

В целях выживания и дальнейшего развития резерваций главы анклавов решили наладить торговлю между городами. Так было положено начало воссозданию железной дороги по маршруту «Владивосток-Хабаровск» – последней надежде людей на выживание. Имя ей было ДВЖД. Дальневосточная Железная Дорога. Она же новая Дорога Жизни.

Начальником экспедиции спасения назначили Кая Александровича Брусова. Мужчину пятидесяти пяти лет, который хорошо помнил довоенное время и имел отношение к железной дороге. По велению капитана первого ранга и главы анклава «Владивосток» – Руслана Тимофеевича Седых, его группе было необходимо реанимировать подвижной состав новой ДВЖД.

Во многих отношениях эта новая экспедиция на север могла считаться самой странной со времен Падения Человечества. Кай прожил довольно долгую жизнь и понимал, о чём говорил. Жизнь его была наполнена удивительными событиями, путешествиями и приключениями – если, конечно, приключениями можно назвать цепь случайностей, благодаря которым он всё же выжил после Конца Света.

Катастрофа, потрясшая мир до основания, разворачивалась на его глазах. Ещё в первые годы жизни в анклаве он вступил в ряды рейдеров, которые периодически выползали из убежища на поверхность, чтобы «Владивосток» мог жить. С автоматом в руках Кай видел все последствия первых послевоенных лет. Слушал с замиранием сердца разговоры облученных

людей о горящих небесах, видел, к чему привёл обмен ядерными ударами между великими державами.

Что он видел собственными глазами? Как слишком поумневшие компьютеры опустошили боекомплекты, но на этом не остановились. Уцелевших людей добивали карательные отряды роботов, прозванных Искателями. И Кай научился их убивать. Многие считали это доблестью. Но у Брусова просто не было другого выхода. Он любил жизнь и научился защищаться даже от роботов.

За десятки лет выживания Кай стал философски относиться к Концу Света, о котором шептало на каждом углу старшее поколение. Как представитель среднего поколения, он видел, что игрушками нового поколения стали жестянки от консервов, а друзья-ровесники умирали на глазах, не выдержав бегства из городов и лишения благ цивилизации.

Брусов уцелел, привыкнув обитать в сельской местности, где за всю жизнь ничего не менялось, кроме появления телевизора с несколькими каналами. Где, как и тысячи лет назад, «ходили до ведра» и из всей медицины имелся только фельдшер на районе.

Ядерные удары, обрушившиеся на соседний Китай, пригнали на ставший родным для Кая город Владивосток потоки бешеной радиации. Она изуродовала не только мегаполис, но и ближайшие леса, саму дремучую тайгу. Сюда он переехал жить из деревни под хребтом Сихотэ-Алиня после окончания Института железнодорожных путей сообщения. Он умел снайперски стрелять из автомата, потому что с детства охотился в лесу с отцом и не понаслышке знал, что значит получить подзатыльник за подпорченную шкуру зверя, если не поразить его в глаз. Он же умел пользоваться противогазами, счётчиками Гейгера и костюмами радиационной защиты. Потому легко прибился к группе энтузиастов, которые готовились к войне с Китаем ещё до Катастрофы и создали в лесах немало тайников на случай Часа Икс.

Как известно, то, чего больше всего боишься, обязательно происходит. Вот и час икс пришёл, только несколько иначе проявив себя.

Брусов долгое время бродил от тайника к тайнику, встречая старых знакомых, ставших сталкерами и бродивших между зараженными территориями. Они рассказывали ему о китах, которые выбрасывались на берега Сахалина, о редких тропических рыбах в холодных ручьях Камчатки. Подобные байки стали привычны, как ежедневные сводки о потерях, что сыпались на анклав, несмотря на все меры, принятые бравым служакой Седых. Капраз быстро смекнул, что прошлый мир перестал иметь значение, и сколотил вокруг себя команду, способную постоять за себя и свои семьи. Из неё и начал постепенно образовываться анклав, который по старой привычке и прозвали «Владивосток».

Они пережили все ужасы поверхности: первые отключения электричества и первая карточная система, рухнувшая с первым же неурожаем, первый голод, первые смерти, первые кровавые убийства, первые бунты, первые людоеды, первый кровавый террор, первое падение власти, первые мародеры и первые кислотные дожди.

Через всё это прошёл и Брусов, получив немало шрамов в битвах с обезумившими людьми и вероломными роботами, не знающими пощады. Глотая антирадин, он видел, как страдают от лучевой болезни люди, ставшие близкими. Их лица со временем стёрлись в памяти. Зато там навсегда остались неясные контуры первых подземелий. Они отпечаталось в памяти раскалённым оттиском, и было чёткое понимание – не уйдут из головы никогда.

Немногие мужчины в Анклаве могли дотянуть до сорока. Смертность среди населения оставалась слишком высокой даже спустя десятилетия. Так что Кай считался ветераном-долгожителем. Рабочие же спешно организованной чудо-группы величали Брусова по-свойски – «батей». Богатый опыт выживальщика за плечами ставил его выше генералов прошлых лет и для всех он был просто своим.

С юности немало узнав про паровозы и прочую технику, Брусов говорил на собраниях, что неплохо бы вернуться хотя бы к технологиям XIX века. Ведь ыыходило, что с падением

компьютерной системы всё вновь возвращалось к простейшим механическим конструкциям. А Кай видел и помнил, как они работали. В отличие от полумифических систем прошлого. И, что называется, – договорился. Седых в очередной раз внимательно выслушал и неожиданно поставил Брусова во главе будущей Экспедиции!

– Ну всё, Брусов. Теперь многое зависит от тебя, – расслышал оглушённый известием мужик средних лет.

С тех пор рабочие экспедиционной группы трудились над паровозом дни и ночи. Создавали поезд надежды. Жителям катакомб он казался лучом света в окружающем царстве вечных свинцовых сумерек. Титан, красавец, мечта, он ставился в строй двумя полнокровными бригадами лучших техников, работающих в три смены. Фактически не вылезая из цеха, они ваяли надежду на спасение человеческой расы в свирепом мире радиации и бетонных небес. В чертовски опасном мире, где сама жизнь, казалось, прокляла всё живое и обрекла на долгую, мучительную и неотвратимую смерть.

Состав-красавец возрождался из стали, чугуна, листового железа, алюминиевых сваек, сварки и гениальных проектов лучших конструкторов анклава при личном участии Брусова.

Попутно Кай раздумывал над планом похода и собирал карты местности у перекупов, выуживал информацию у рейдеров, заходивших далеко на север, и в цеху ни на минуту не прекращалась бешеная работа. Бронепоезд, единственный в своём роде, постепенно обретал законченные формы, из гадкого утёнка превращаясь в прекрасного стального лебедя. Сборка велась в одном из заброшенных локомотивных депо глубоко под землей, в туннеле, вырытом ещё в советское время под городскими сопками Владивостока. Изначально ветка соединяла подземные заводы, потом расползлась под городом за их пределы. После Армагеддона выжившие люди только углубляли то, что им досталось в наследство. Рыли ручными средствами – кирками и лопатами, отвоевывая себе драгоценные метры пространства. Мощным системам воздухоочищения было почти без разницы, сколько кубометров пространства снабжать пригодным для дыхания воздухом, а анклаву с наплывом людей было жизненно необходимо больше жизненного пространства.

Все унаследованные и вырытые подземелья спасали анклав в первые годы, пока выжившие пережидали буйство разъяренной стихии на поверхности. Природа мстила людям за вмешательство в её дела, и выживать на поверхности в первое время после того, как Земля начала наводить порядок, было невероятно сложно. К счастью, это также ударило и по искусственному интеллекту: отряды Искателей, которых СверхИИ отправил для борьбы с уцелевшими представителями человечества, по большей части пришли в негодность из-за потревоженного магнитного поля Земли и малого количества солнца. Они качались, забивая металлические суставы и сочленения радиационной пылью, они падали, не имея часто возможности для ремонта. Роботы функционировали, выполняя порученную им работу, но недолго. А когда Брусов понял основной момент, стало проще жить.

Ночью роботам просто не хватало энергии для полноценного функционирования! Потому его рейды всегда происходили именно в ночи. Ночью он брал роботов тёпленькими, разбирая по запчастям, которые у технарей анклава ценились на вес золота, если не фонили как ядерные саркофаги прошлого.

Потревоженная Земля после бомбрадировки фактически сама выводила сверхточную технику искинов из строя. В моменте работали только простейшие механизмы «ламповой эры»… Но показывать нос на поверхность долгие годы решались лишь рейдеры. Они и приводили в анклав полезных выживальщиков с информацией или необходимыми навыками.

Но чем ближе подходил к концу запас провизии, тем больше становилось желающих рискнуть выйти на поверхность. И тем реже приводили новых людей. Молодые парни и девушки порой шли на самоубийство, прекрасно понимая, что количество людей в анклаве не уменьшится, а запасы провианта на складах неумолимо сокращаются.

Анклав «Владивосток», изначально задуманный только под землей, за годы раскинулся и на поверхности. И на данный момент занял территорию в два десятка квадратных километров общей площади, включающей в себя железнодорожный вокзал, морской порт, да несколько десятков близлежащих зданий и заводов, достроенных или соединенных между собой. Всё это считались оазисом в современном мире, когда можно передвигаться на большой территории, не выходя на поверхность.

На строительство же на самой поверхности пошло всё от досок и тентов до верёвок и самого откровенного хлама. Всё что угодно, лишь бы защита под землей держала потолок, а над землей сглаживала воздействие агрессивного солнца, которое вместе с изменившимися после Катастрофы облаками, несло людям больше неприятностей, чем тепла и света.

Такая «ограда» немного спасала людей от пронизывающих ветров, снежных бурь и порой даже холодных дождей, когда природа была наиболее благосклонной к человечеству. Эти весенне-летне-осенние периоды были редкими и составляли всего лишь около месяца году, но с каждым годом период оттепели увеличивался, давая надежду, что вскоре Зима закончится.

В анклаве под землей, конечно, всё было иначе. Здесь имелись прочные металлоконструкции и отлитые из бетона укрепления. В последние годы бетонными плитами и кирпичным стенами с ограждением из колючей проволоки был обнесён и периметр анклава. Вышки и наблюдательные посты стояли как внутри периметра, так и за его пределами. И помимо безопасной зоны, ещё порядка десяти километров за пределами стен считались относительно безопасными территориями для рейдеров. Солдаты с вышек прикрывали добытчиков, таскающих из мёртвого города всё мало-мальски пригодное для общих нужд.

Заходить с каждым разом приходилось всё дальше и дальше.

Радиация, однако была уже не настолько сильна, как в первые годы после бомбардировки и мест для жизни прибавилось, но следом за восставшей природой, голодом и роботами пришла новая беда – другие люди!

Враги анклава называли себя «свободными». Выжившие каким-то чудом группки, одиночки, небольшие семьи одичалых людей, которые, по большей степени, превратились в бандитов и мародёров, нещадно терзали добытчиков анклава. Каждый выживал, как мог. Но когда вся эта братия собралась вместе для разбоя и начала тиранить анклав, устроив охоту на рейдеров, жизни анклавовцам совсем не стало. Седых не раз приходилось выкупать своих людей, обменивая жизни на продукты. А продукты медленно и верно подходили к концу. Круг замыкался и рейдерам снова приходилось идти в путь.

«Летом», когда температура окружающей среды, несмотря на последствия ядерной зимы, приближалась к нулю градусов по Цельсию и начинал идти град или очень холодный дождь, откопать можно было больше. Зимой же работа рейдеров представляла собой сущий ад. Только не тот жаркий, подземный, с кипящими котлами и пылающей геенной, а скорее нордический, скандинавский – Нифльхейм. Ледяное царство вечного холода. Народам, которые оказались не готовы к ядерной зиме, пришлось несладко. Но северянам с их «зимней прививкой» было известно, что делать, чтобы не замерзнуть при минус сорока градусах по Цельсию. К тому же в подземельях анклава было заметно теплее, чем снаружи. А в сборочном цеху, в который фактически превратился бывший железнодорожный вокзал со всеми уцелевшими рельсовыми путями, – и вовсе жара.

Отсутствие витаминов в рационе также изводило людей. Нужны были свежие овощи, зелень, семенами которых пообещал поделиться анклав «Хабаровск» в обмен на патроны. Запасы витаминов таяли на глазах, а проблемы несбалансированного питания множились. И чтобы не косили анклав эпидемии и цинга, нужен был бартер. А что может доставить груз надёжнее, чем железная дорога?

Местная кузня анклава создавалась под началом военных и моряков. В анклав в первое время вообще брали только специалистов: технарей, медиков, строителей, военспецов разного пошиба. Затем под крыло военных перешли профессиональные выживальщики, опытные добытчики, разнорабочие и просто люди, которые за паек и наличие крыши над головой готовы были на многое, да и с головой и руками дружили. Простое ощущение безопасности значило для уставших людей нового мира больше, чем кто-то мог предполагать до Войны.

Но и отгонять от анклава тех, чей девиз – «да здравствует, анархия!», было всё сложнее. Набирали новых рекрутов. А большое количество людей на прокорме со временем и обернулось тем, что анклав стал остро нуждаться в провизии.

Снова – поиски!

Вездеходы сжигали бесценное топливо в дальних рейдах. Находить удавалось немного, но никто не собирался сдаваться. Нельзя было опустить руки и позволить себе стать слабыми – это означало бы, что роботы оказались правы и существование человечества лишено смысла.

Когда на связь вышел другой крупный город на Дальнем Востоке – Хабаровск, затея Брусова отправиться на север по железнодорожному пути, стала золотой. Аклав «Хабаровск» под-

твердил сообщение, что готов взять крупную партию оружия в обмен на провизию. Это казалось решением всех проблем. И не долго думаю, Седых и выдал Брусову карт-бланш.

Все силы анклава «Владивосток» были брошены на воплощение идеи, люди гадали как добраться до «партнёра» без потерь. И не просто добраться, клянча и моля о спасении, а с ценным грузом для равнозначного обмена. Все понимали, что этот мир не для слабых и жалких людей. Щадить тебя никто не будет. Сделай сам, возьми сам, докажи, что ты чего-то стоишь. Без вариантов...

Так думал и Брусов, когда смотрел с одобрением, как старая рухлядь, которой фактически являлся древний локомотив, покоившийся в локомотивном депо с начала минувшего, двадцатого века, постепенно сбрасывал с себя ржавчину и менял полусгнившее стальное нутро. Не имея в конце состава «двойника», который в случае чего мог заменить вышедший из строя ведущий локомотив, экспедиция делала ставку на единственную тяговую машину. Поэтому каждая её деталь проверялась с невероятной тщательностью, ведь от качества сборки зависела, без малого, жизнь всего Анклава.

До Катастрофы по линии Владивосток-Хабаровск ходили в основном новейшие атомовозы<1>, а также устаревшие дизель-генераторные локомотивы<2>, электровозы и автономные мотор-вагонки<3>. Однако монстр, пробужденный анклавом к жизни для первого рейса после гибели человечества, являлся, как ни странно, именно паровозом. Тому имелось почти бесконечное число причин. Выжившие не могли использовать электрические мотор-вагонные составы и тепловозы по понятным мотивам: электропитание на линии было отключено вот уже шестнадцать лет как, а топлива для дизельного генератора в анклаве осталось ничтожно мало. Собрать же атомный двигатель ручным способом с помощью кувалды и молотка было невозможно даже самым лучшим «Кулибиным».

Первое примечание автора. Атомовоз - это автономный локомотив, приводимый в движение за счёт использования атомной энергии.

Второе примечание автора. Дизель-генераторный локомотив - это состав, движимый тягой дизель-генератора.

Третье примечание автора. Атомные и моторные вагонки - это моторные и прицепные вагоны, из которых формируют моторвагонные поезда (электропоезда), дизель-поезда, турбопоезда и другие.

Единственным доступным вариантом оставался паровоз. Буквально – тягач жизни. По сравнению с более прогрессивными моделями тягачей, машина на паровой тяге имела множество преимуществ. В первую очередь – простоту. Вследствие относительной примитивности технических узлов и агрегатов, их широкой известности в кругу инженеров, воссоздать паросиловую установку оказалось совсем не сложно. Элементарное машиностроительное и металлургическое оборудование, которого на судоремонтных заводах Владивостока сохранилось более чем достаточно. А также запасы запчастей, сталепроката и разнообразных материалов, законсервированных на складах военных заводов ТОФ<4>, позволили менее чем за полгода изготовить паровой котел, сам парогенератор, систему реверса и множество вспомогательных устройств, часть из которых инженеры дублировали по найденным в архивах чертежам, часть доделывали, как получается, по ходу дела.

Четвёртое примечание автора. ТОФ - это дважды Краснознаменный Тихоокеанский флот.

Второй причиной для выбора паровоза в качестве движущей силы будущего бронепоезда стала, как ни странно, высокая сила тяги при рывке с места. Известно, что из всех распростра-

ненных видов двигателей железнодорожных локомотивов только паровая машина способна была неограниченно долго развивать максимальную силу тяги. Это значило, что паровоз был способен *быстро тронуться*, что в условиях полной неизвестности, в которую отправлялся «поезд надежды», являлось немаловажным.

Наконец, важнейшей причиной выбора паровоза была, выражаясь техническим языком, его «многотопливность» или «топливная всеядность». Тепловозу нужна была солярка. Атомоходу – урановые стержни. Электричке – поток электронов. И только паровоз способен был двигаться на угле и дровах, торфе, мазуте, щепках, опилках, отходах почти всякого производства, макулатуре, зерновой шелухе, бракованном зерне, спирте, отработанном масле и даже сырых деревьях, срубленных в соседнем лесу взводом вооруженных автоматами дровосеков.

При этом механики заверяли, что при определенных характеристиках парового котла тяговые возможности парового локомотива существенно не снижались. КПД падало, но идти и тянуть вагоны он был способен, даже если закидывать топку шапками и человеческими телами!

Ещё одной отличительной чертой парового локомотива была потрясающая надежность. Как известно, срок гарантии для «обычного» паровоза ещё в начале двадцатого века устанавливался в сто лет! Ни одна из великолепных машин, разумеется, не прослужила так долго. Однако списывались паровозы не по причине износа, а вследствие прогресса, который развивался быстрее, чем выходили из строя паровые агрегаты.

Основой для работы экспедиционной группы послужил легендарный Ем-3927. Последний имперский паровоз с почти полуторавековой историей в год Армагеддона дремал на станции Владивосток на вечной стоянке в одном из локомотивных депо. Дремал, пока человеческий гений не превратил его в настоящего бронированного монстра.

Кай понимал, что было у паровоза и много минусов. К ним стоило отнести крайне низкий КПД, который даже на последних известных паровозах *цивилизации* составлял не более двадцати процентов, что обуславливалось как раз перечисленными выше «плюсами» парового двигателя. Например, «всеядностью». Возможность потреблять любое топливо означала недостаточную эффективность его сгорания и потерю тепла при передаче от котла к цилиндрам.

Вторым ужаснейшим недостатком парового двигателя являлась необходимость в больших запасах воды, что, естественно, ограничивало возможность использования локомотива. Задумавшись над этой проблемой, инженеры анклава сконструировали несложную систему конденсации отработанного пара, что снизило актуальность проблемы. Однако устранить её полностью никакая конденсация не могла – так что, помимо запасов угля, пришлось везти с собой водяную цистерну.

Наконец, третьей гигантской проблемой парового тягача оказалась высокая пожароопасность, обусловленная наличием открытого огня, и опасность взрыва котла. А также большое количество дыма, копоти и, соответственно, невыносимо тяжёлые, учитывая длительность путешествия, условия труда локомотивной бригады.

Кроме замены внутренних силовых агрегатов, бронепоезд получил новую, бронированную шкуру. Эта шкура представляла собой нашитые друг на друга стальные листы толщиной почти пять с половиной миллиметров по основному корпусу и десять миллиметров вокруг парового котла. Днище локомотива также было бронировано клепаными листами в два с половиной миллиметра. Такая «защита» должна была гарантировано предохранять состав и его обитателей от попаданий из ручного оружия. Что же касалось прочего – например, нападений людей и нелюдей, тут гарантировать безопасность не мог и сам Господь Бог, в которого некоторые ещё верили в Анклаве.

Чудо-локомотив имел четыре цилиндра, тендер-вагон<5> для запасов угля, запасов воды и мог развивать максимальную скорость около ста километров в час и более. При этом в начале двадцать первого века на линии Владивосток-Хабаровск был выложен «бархатный путь» с бетонными шпалами и стальными рельсами, обработанными антикором. Бархатный путь пред-

назначался для скоростей двести-триста километров в час. Срок жизни такой дороги составлял без малого сорок пять лет. Так что надежда на быструю прогулку была. Но, конечно, никто даже не собирался разгонять паровоз до таких скоростей в первом путешествии.

Пятое примечание автора. Тендер-вагон - это открытая ёмкость с запасом угля.

Как показывали исследования прилегающего к Анклаву участка пути, сталь рельс не проржавела. Бетонные шпалы, укрепленные арматурой – не пострадали. Таким образом, без малого два десятилетия, прошедшие с момента Армагеддона, словно испробовали гарантию на прочность. Однако двигаться группе всё равно предстояло очень медленно. Ибо насыпи, составляющие основу железной дороги, поросли за периоды оттепели травой и деревьями на удивление быстро. Растения вполне могли расшевелить почву. Камень и щебень под несокрушимым «бархатным полотном» тоже наверняка просел. В целом Брусов понимал, что прокатиться с ветерком не получится.

Приморье фактически не пострадало от непосредственных боевых действий – здесь не было бомбежек и обстрелов. Жатву из мёртвых собрали только голод и наведённая радиация, принесённая облученными мелкодисперсными частицами, изотопами химических элементов с сильным ветром со стороны китайских провинций, уничтоженных ракетами, прилетевшими с территории Соединенных Штатов. Так что *механически* железная дорога на всем протяжении от Владивостока до Хабаровска не должна была пострадать. Морозы и перепады температуры, сезонное промерзание почвы, дожди и снегопады не угрожали линии, поскольку фундамент железной дороги откапывался на двухметровую глубину и просыпался скальной породой. Новейшим, химически обработанным рельсам коррозия также не угрожала. А значит, единственным, что могло стать препятствием на пути бронепоезда, оставалась в теории... тайга. А на практике – люди.

За прошедшие десятилетия природа могла уничтожить насыпь железнодорожного полотна, превратив его в длинный, поросший зеленью и занесенный землей холм. Сосны и ели могли пройти сквозь бетон и смять рельсы, подобно тому, как ребёнок сминает в руках пластилин. Но всё же группа надеялась, что большая часть трассы до Хабаровска не пострадала *слишком сильно*. Однако не предусматривать отсутствие полотна на отдельных участках было бы наивно и глупо. Потому решили взять запас материалов для укладки железнодорожных путей с собой.

Скрипя зубами и раз за разом решая множество возникающих технических и организационных проблем, команда анклава создала уникального стального монстра, обвешав его лобовую броню деталями, снятыми с уничтоженных Искателей. Люди на полном энтузиазме собрали состав из того, что было под рукой. Но если с металлом и оборудованием для создания бронепоезда особых проблем не возникло (изобилие военных заводов поставляло то и другое), то с техническими специалистами было туго...

Из старшего поколения владивостокцев, заставших ещё «тот мир», имевших при этом техническое образование, не осталось почти никого – только старики вроде Брусова. Молодежь же была приучена больше к автомату и отбойному молотку, чем к учебникам, инженерным справочникам и чертежам. Также плохо обстояло дело и с углём. Плохо – с мазутом и маслом. Плохо – с электроприборами. Пришлось попотеть над мини-плавильней, парораспределительным механизмом и тормозной колодкой. Особые трудности возникли с воздушными насосами и системой клапанов, предохраняющих котел от взрыва.

Технических проблем хватало с избытком, но все они были решаемы. И вот в один счастливый день и час состав был готов.

* * *

Глава анклава – злобный, вечно хмурый капитан первого ранга Седых полгода назад урезал рабочие пайки почти до крайнего предела. Тому имелись веские основания – запасы провизии подходили к концу во всех бункерах и цехах анклава. Группы, имеющие отношение к подземному локомотивному депо, то есть к непосредственной подготовке безнадежной, безумной экспедиции, ещё щадили, выделяя чуть больше риса и сухой ламинарии на рабочую единицу. Остальные обитатели анклава жили впроголодь.

Но бунтов почти не было. Для того чтобы требовать новых условий жизни, надо помнить, что когда-то жизнь была другой. А первое поколение выживальщиков слишком хорошо знало, чем оборачивались перевороты, потому меньше всего хотело подливать масла в огонь. Всё же молодые пассионарные единицы, рейдеры, день и ночь шарили по окрестностям в поисках иного способа решения ситуации – искали добычу покрупнее. Но кладов с каждым годом больше не становилось, и молодежь была не в состоянии снабдить провиантом огромное население подземного Владивостока, состоявшего без малого из двух тысяч мужчин и женщин.

Так что, без громких слов, Экспедиция отправлялась в поход за будущим. От чудо-паровоза ждали многого. На словах всё выглядело просто – добытчики должны дойти до Хабаровска и вернуться. Но на деле это была дорога смерти в неизвестные края. Сплошная «терра инкогнита» – неведомая земля, где лишь небольшими кусочками существовали известные островки, опять же, по непроверенным данным кочующих рейдеров.

Брусов даже вспомнил старую книгу, которую видел, ещё будучи ребенком у себя дома. Книгу о блокаде Ленинграда во время предпоследней мировой войны. Там описывалась трасса, очень похожая на предполагаемый путь. Она называлась «Дорога Жизни» и шла по льду под постоянным огнем противника. Между анклавами льда не существовало, и никто не обстреливал убогие подземелья, не преграждал дорогу друг к другу. Но ситуация выглядела даже хуже по сравнению с ленинградцами. В «ледяное кольцо» анклавы взял не враг, а сам новый мир. Радиация и мутировавшая природа. Сказывалось отсутствие чистой воды, которую можно было получать только через фильтры подземных заводов. Сказывалось отсутствие пищи, которую можно было добыть только на стратегических складах ТОФ. Много лет назад эти запасы казались неисчерпаемыми. Километры туннелей, заполненных мороженными коровьими и свиными тушами, стеллажами с консервами, мукой, крупой, солью, сахаром, галетами, джемом, рыбой и даже замороженными овощами... Но все они закончились. Сокровища, собранные целыми поколениями, ещё с советских времен, были съедены всего парой поколений «спасшихся» жителей подземелий.

Близость к стратегическим складам флота сыграла с Владивостоком смешную шутку. Смешную и смертельную одновременно. Если в других городах выжили те, кто смог наладить производство продуктов глубоко под землей, то у наследников армии, флота и военных заводов такой необходимости не было.

Брусов надеялся на «эльдорадо» у хабаровчан. По обрывочным сведениям, приносимым время от времени полубезумными сталкерами, иногда с промежутками в целые годы, «Хабаровск» относился как раз к «развитым» в продуктовом отношении анклавам. Гидропоника и подземные парники, освещаемые электричеством, давали им то, чего не имелось у анклава «Владивосток», – возможность не только создавать технику и штамповать патроны (при оставшемся прекрасном оборудовании не хватало только металла и селитры для возобновления производства пороха), но и выращивать пищу. Зерно. Овощи. Грибы. Животных на мясо. Птицу, яйца. Свежую зелень. Сокровища, которым не подобрать цены.

Всего по данным анклава на русском Дальнем Востоке сохранилось несколько десятков подобных поселений. Жителям «Владивостока» были известны, по крайней мере, «Хабаровск», «Бикин», «Сахалин», а также анклав «Большой Камень», находящийся ближе всего, но испытывающий те же проблемы – недостаток провизии, а значит, поставленный на грань суще-

ствования. Возможно, имелись и иные, но сведений о них за десятилетия после Катастрофы не доходили, очевидно, в силу большой удаленности.

По сравнению с соседями, дела в России после Армагеддона обстояли относительно неплохо – если гибель 99,9 процентов населения можно в принципе назвать «неплохим» результатом. В соседнем Китае, густонаселенном, промышленном, а потому более всего пострадавшем от удара противника, не выжил, по имевшимся сведениям, вообще никто. И, что страшно, – никто не выживет в будущем.

Южнее и западнее приморской границы, где совсем недавно стояли многомиллионные города, теперь простиралась ядерная пустыня. Баллистические ракеты ложились в Манчжурии и Даурии так близко, что каверны, образовавшиеся от ударов, практически сливались одна с другой. Это объяснялось, безусловно, большим количеством городов и заводов, которые нужно было уничтожить. Китай, вероятно, отвечал своему противнику адекватным образом. Если бы не одно «но» – этот противник просто играл оружием людей, направив его на них самих.

Брусову не довелось видеть, во что превратились Америка и Канада после ударов китайских водородных бомб, но чем стали Япония и Корея – две «местные» союзницы США, – жители анклава знали доподлинно. Вокруг Приморья со всех сторон простиралась Великая пустошь, однообразие которой нарушали лишь чудовищные воронки. С запада она переваливала через старую таежную границу, с востока и юга – отделялась от берегов России отравленной морской акваторией. Земля с почти лунным ландшафтом. Разве что с кратерами значительно большего размера, с ветром, гоняющим пыль, да радиацией, убивающей все живое, что не умело носить костюм радиационной защиты.

Только на севере, где лежали остатки российских земель, слишком малонаселенных и слабых в техническом плане, а потому, очевидно, не представлявших интереса для ударов ИИ, сохранилась жизнь. Так выстояли дальневосточные анклавы. Жители Владивостока пытались связаться с каждым из них. Но радиус действия аппаратуры связи ограничивал эти судорожные попытки. Сеть приемо-передающих радиорелейных станций, работавших на деци- и сантиметровых волнах, погибла с наступлением Армагеддона. Их никто не обслуживал – и использоваться они не могли. Действие же компактных радиопередатчиков, имевшихся в распоряжении группы, не превышало сорока-пятидесяти километров даже с использованием высотных антенн, установленных в окрестностях анклава на самых высоких сопках. С помощью радио до Хабаровска было не дотянуться.

В пределах же этих сорока-пятидесяти километров экспедиционная группа оставалась единственным выжившим очагом человечества... По их мнению. И всё же, слухи до них доползали. Раз или два в год одинокие таежные торговцы-сталкеры, сами обычно на грани полного истощения, прибывали к анклаву для обмена. Они приносили муку и зерно, обычно везомую на волокушах, а также бесценный товар – информацию об окружающем мире. Хабаровск, твердили они, ещё жив и ищет партнеров для обмена. Затем менялы отдавали свой товар, набивали сумки патронами и возвращались обратно – в радиационный ад на тысячу километров пути. Такова была доставшаяся в наследство «импортная» торговля – две или три волокуши в год.

Разумеется, этого было недостаточно. И провожая уходящих купцов-сталкеров взглядом, жители анклава часто думали о разделяющем их расстоянии. Всего тысяча километров! Меньше суток дороги для грузового автомобиля, день – для легкового. Одна ночь – для рейсового поезда по железной дороге, шесть-семь часов для скоростного экспресса. Месяц или чуть меньше для спортсмена-бегуна по шоссе, ставящего личный рекорд или пробующего себя на прочность. Но так было в том, старом мире. Реалии нового были таковы: минимум два месяца пути для пешего путешественника с волокушей – зимой, при отсутствии дорог, обилии зверей и бандитов и при прочих неблагоприятных условиях.

Мрачная картина.

Ещё тогда родилась идея пройти этот путь не пешком, а на транспорте. Пройти – и вернуться с товаром, который мог бы всех спасти. Автомобильный транспорт тут не годился – когда к задумке рейда на Хабаровск стали относиться всерьез, уже не осталось машин на ходу. А ведь требовался целый караван! Автобан, запланированный между городами к началу Армагеддона, так и не достроили, а ещё существовавшая на тот момент советская «федеральная трасса» вряд ли могла выдержать десятилетия без эксплуатации и ремонта. Дожди со снегом, град, бураны, бурная смена сезонов – все это наверняка привело её в негодность значительно сильнее, чем «элитное» железнодорожное полотно.

Брусов хорошо помнил, что дороги в России всегда были дрянного качества и таяли как сахарные на радость дорожным службам и негодованию автомобилистов. В отличие от асфальтированной трассы, железная дорога должна была выстоять как минимум сорок пять лет. А если не проросла деревьями, и то все сто. Согласно путевым циркулярам, технические условия для прокладки железной дороги и автобана отличались невероятно – железную дорогу всегда строили исключительно на века! Кроме того, для запуска «каравана» по железнодорожному пути требовался единственный локомотив – с довольно примитивной с технической точки зрения паровой установкой. А для отправки «каравана автомобилей» – как минимум десяток автомашин с рабочими двигателями внутреннего сгорания, воссоздать которые с имевшимся оборудованием было теоретически возможно, но в ограниченном количестве. А значит, локомотив с подвижным составом из лишенных двигателя вагонов в этом смысле выглядел предпочтительней.

Каждый житель анклава был готов положить свою жизнь, чтобы наладить эту торговлю. Оружия имелось в избытке. Склады 178-го завода, базы подводных лодок, части ТОФ, здания штабов и военучилищ, сухопутные войсковые части, раскиданные во Владивостоке по десятку на каждый район, «Экипаж», «Улисс» и множество прочих частей и учреждений представляли рай для оружейных баронов. Хоть фактически Россия и соблюдала нейтралитет даже в самые опасные времена, в последний год перед Армагеддоном, когда все ожидали ядерной перестрелки между Штатами и Китаем, все склады и базы Владивостока оказались забиты оружием и боезапасом под завязку – чтобы остановить возможный поток беженцев с юга и просто «на всякий пожарный случай», который, как известно, всегда случается.

Радиация и ядерная зима не делали разницу между воюющими и нейтральными странами. Военная база «Владивосток» и главный порт дислокации Российского Дважды Краснознаменного Тихоокеанского флота на момент Катастрофы обладали крупнейшим запасом стрелкового оружия и боеприпасов на всем огромном Дальнем Востоке! Имелись даже вертолеты – Ка-50 и Ка-52, «Чёрная акула» и «Аллигатор», для нового вертолетоносца, спущенного на воду как раз перед началом Войны. Возникла вроде бы простая мысль – идти до Амура воздухом. Однако авиационное топливо в порту было в дефиците, пожалуй, ещё большем, чем провизия. Но самое главное, на винтокрылой машине невозможно было привезти обратно много продуктов. А значит, для большой торговли вертолеты по определению не годились. Не удивительно, что капраз Седых и инженеры под руководством Брусова остановили свой выбор на железнодорожном составе, ибо самое простое решение являлось самым лучшим.

С тех пор весь анклав потерял покой…

«Батин бронепоезд» генералитет назвал незамысловато – «Варяг». Простое и благородное имя всем пришлось по вкусу. Идти ко дну этот сухопутный крейсер не мог по определению, но встречать врагов огнем орудий под гордо реющим флагом – мог вполне.

В каждом вагоне пришлось делать окна из плексигласа у самого потолка. Так как все боковые убрали, инженерам, чтобы экспедиция не тратились на освещение состава днем, пришлось делать окна над головами. Правда, меньше, чем были по бокам ранее. Зато никто не мог уничтожить членов команды, пробив слабое окно на ходу. Теперь солнце должно было светить

прямо в темечко, если, конечно, никто не собирался закрываться от него в тёмном-тёмном купе.

В каждом купе были заварены все окна.

Груз подбирали тщательно. Три из двенадцати вагонов доверху забили рельсами, шпалами и прочей железнодорожной снастью, превратив боевой и торговый бронесостав ещё и в шпалоукладчик – подобие классической ОПМС, починявшей дорогу без прекращения движения поездов в довоенные годы. На тот случай, если дорога сильно повреждена, сообщение прервано и рядом нет в помине даже встречной рельсополосы, она точно была нужна.

Хватит ли трёх вагонов рельсов на тысячу километров пути? Этого, разумеется, не знал никто. Но надежда на лучшее теплилась. И времени «прокатать» дорогу, гоняя ремонтные составы туда-сюда в обоих направлениях, не было. Беда заключалась не только в недостатке времени и возможностей для пробных прокатов. Угля для топки локомотива собрали только на половину наглухо закрытого переваренного тендера. В нём было всё, что осталось после работы мини-плавильни. Вторую, вернее, дальнюю половину открытого топливного вагона закидали всякой рухлядью, способной гореть под жаром угля – остатками мебели, досками и поленьями, опилками, картоном, стружкой и шелухой. Когда всё это кончится в пути, команда должна будет взяться за топоры. Лес вдоль линии оставался радиоактивен – это анклавовцы знали прекрасно. Но дерево, как шутил капраз Седых, могло гореть и после смертельной дозы.

Помимо всего прочего, связанного с подготовкой к экспедиции, мрачный капитан первого ранга поручил Брусову подобрать для экспедиции личный состав. «Кадры решают все», – раз за разом твердил он, позволив самостоятельно выбирать соратников и будущих подчиненных.

Кладовые анклава обеспечили экспедиционный корпус всем необходимым – от костюмов химзащиты до последних остатков провианта. Но вот людей на складах по номенклатуре набрать было невозможно.

С инженерами-машинистами дела обстояли относительно просто – они были подобраны и, в некотором смысле, даже «выкованы» самим процессом постройки тягача и бронесостава. Каю оставалось только выбрать двух самых квалифицированных и подготовленных, наилучшим образом показавших себя при сборке и наладке силовых агрегатов.

С учёными оказалось сложнее. Людей с достойным образованием в анклаве можно было пересчитать по пальцам. При этом все рвались в экспедицию, ведь этот поход был фактически сравним с экспедицией на Луну. Много лет никто из жителей анклава «Владивосток» не покидал бомбоубежищ, бункеров, военных заводов и казематов, связанных между собой в единую систему дальше, чем на пятьдесят километров от железнодорожного вокзала. Что творится за пределами старой городской черты – не знал никто. Отрывочные сведения торговцев, информация, что, теоретически, там кто-то мог выжить – это всё, чем довольствовались «яйцеголовые». Изнемогая от невозможности проводить эксперименты в стесненных условиях анклава, учёные рвались исследовать новый, неизвестный им мир.

Подумав, Брусов выбрал из пятнадцати «научных сотрудников», проживавших в анклаве и специально получавших паек «за мозги», или как выражался Седых – «за сохранение знаний», двух самых молодых специалистов, не достигших двадцати лет. Никто из них не видел старого мира, никто не знал старой науки, называемой старшими «академической», но с юных лет, ещё с организованной начальной школы, каждый показал свои способности. В полуголодном мире анклава только исключительно талантливые, почти гениальные юноши и девушки могли рассчитывать войти в элитную касту умников и получать свой паек за знания, а не за махание киркой и стрельбу из автомата. Под руководством более мудрых (и крайне пожилых) товарищей этот действительно «избранный» молодняк зубрил вузовские учебники по физике и ботанике, биологии и математике, архитектуре и машиностроению.

Маститые пожилые учёные, примерно одного возраста с Брусовым, в экспедицию не пошли и остались на насиженном месте – передавать академическую подготовку дальше. В новый мир отправились только юные. Доказывать профпригодность.

С бойцами бронесостава было ещё сложнее. Кай отлично знал качества большинства стрелков анклава, поскольку на правах старшего офицера часто наблюдал за общими тренировками ударных подразделений. Но в экспедиции требовались не только боевые навыки. Важнейшим свойством, которое он определил для себя в качестве критерия для отбора в группу, являлась психологическая совместимость.

Спору нет, в анклаве место всегда было очень ограниченно, все спали практически друг на друге, а большая часть помещений изолирована была под склады, места спортивных и научных занятий, административных собраний, тренировок с оружием, лазаретов, школ и так далее. В бронесоставе же царила совершеннейшая теснота. Однако за пределами закрытого салона условия были обратными. Люди, никогда не видевшие ничего кроме родных подземелий, должны испытать жесткий стресс при виде открытых просторов дикой природы.

Проблема совместимости играла важную роль. И Кай решал её, наблюдая за людьми. Так Брусов выбрал пару снайперов, пару минеров, двух связистов, четырех бывалых рейдеров, остальные были опытными стрелками и разнорабочими. Всех распределили по подгруппам, каждая – с назначением командира. В каждой все были знакомы друг с другом годами, набраны из одних и тех же взводов. Сохранность состава зависела полностью от военных, потому Брусов брал лучших, не стесняясь разбивать подразделения, оставляемые внутри анклава. Командиры ворчали, но отдавали людей в экспедицию без возражений.

Технари превратили поезд в бронированную крепость. В двух вагонах даже были поставлены выдвижные стационарные пулеметные турели. Но основная надежа возлагалась на людей. Автоматчиков планировали задействовать и как «группы для собора топлива». Брусов прекрасно понимал, что в лес дровосекам не с одними топорами ходить. Не говоря уже о ночных работах по возможному восстановлению путей. Четыре с половиной вагона оружия как-никак!

В целом десять из двенадцати вагонов бронесостава были забиты разным «товаром» почти от стенки до стенки. Оставалось лишь два жилых. С учетом выдвижных пулеметных «башен», встроенных в потолки жилых вагонов, наборов химзащиты, полок с «дежурным» оружием и всех антирадиационных мер, в состав, таким образом, вмещалось не более пятидесяти пяти человек.

В эти пятьдесят пять должны войти доктора, повар, научные работники, технари-машинисты, квалифицированные рабочие для укладки шпал, ремонтных и сварочных работ. Все они должны жить неопределенное время в тесном помещении вместе, словно космонавты, которым так и не удалось слетать на Марс. Двадцать четыре часа. Нос к носу, спина к спине. Выход наружу без основания был запрещен под страхом расстрела. Только в костюме и полном снаряжении против радиации. Разумеется, с оружием в руках.

По возможности группа должна иметь как можно меньше поводов для конфликтов. И объединяющую цель – дойти до Хабаровска и вернуться. Причины для драк и обид, как все понимали, могли найтись сами собой. Лекарства всего два: пуля и железная дисциплина.

Не брать с собой женщин, как раньше не брали на корабли, Брусов не решился.

Слишком мало людей было в анклаве. Наравне с мужчинами – женщины специализировались по профессиям. Елена Смирнова, например, – лучший снайпер среди рейдеров. Анжела Михайлова – отличный технарь, днём и ночью лично собирающий оружие для загрузки в бронесостав. Как не взять таких? И без повара Алисы Грицко группе точно не обойтись. Выходил только смежный состав. К тому же только это спасало мужчин от депрессии и держало в тонусе.

За всеми этими раздумьями Брусов подошел к поезду и уткнулся лбом в холодный лист брони. Голова трещала от мыслей. Учесть сразу всё было невозможно. Но дали приказ – выпол-

няй. Пусть и не в ответе за тех, кто сгубил мир почти на корню, но в ответе за тех, кто пытается выжить в Чистилище. На то и отметина – серебряные виски.

– Батя! – донеслось сбоку сквозь грохот металлических деталей и треска сварки.

Брусов повернулся на крик. К нему бежал Пий – молодой рослый помощник машиниста. Он вырос в анклаве и совсем не помнил первых лет ужаса после Катастрофы. Тех диких лет ломки, борьбы с ощущением, что старого мира уже не вернуть, что всегда и всё будет по-другому. Для Пия, как и всей молодежи, появившейся в анклаве с рождения или в раннем детском возрасте, существовал только мир подземелий и мир радиации выше поверхности земли. Как и все молодые жители анклава, парень был очень бледен, полностью лишен солнечного загара. Но, как и все молодые жители анклава, Пий улыбался. За подобные улыбки взрослые считали детей безумными. Таковы были реалии этого мира.

– Чего тебе? – спросил Кай, нахмурившись и глядя на улыбчивую физиономию молокососа.

Парень бодро кивнул на состав.

– Бать, стрелки беспокоятся, что вагоны очень плотно подогнаны друг к другу и броня идет без зазоров. Сможем ли мы поворачивать? Говорят, ровной дороги не бывает.

Кай усмехнулся. Чёртовы умники! Вот оно, поколение, что вместо учебников чистило автомат.

– Размер листовой брони и узел сочленения листов рассчитан так, что состав способен, скажем так, играть, – спокойно ответил Брусов инициативному пареньку. – Поскольку листовое железо идёт внахлёст друг на друга, мы сможем поворачивать под небольшим углом без проблем. Согласен, ровной дороги не бывает. Но железная дорога как раз достаточно ровная, чтобы избегать крутых поворотов, резких спусков или подъемов, которые, кстати, мы заметим издалека, чтобы притормозить. Поскольку угол наклона возрастает постепенно, на небольшой скорости состав этого почти не заметит. И если бы ты спросил об этом у кого-то из технарей, а не у начальника экспедиции, думаю, тебе бы даже доходчивей объяснили.

– Я...

– Ладно, ты молодец, что интересуешься! – прервал Кай. – Активность и инициатива – отличные качества, особенно для бойца.

– Спасибо! – радостно ответил Пий, отдал честь и убежал.

А Брусов, глядя ему вслед, прикинул – понимает ли тот полностью смысл слова «издалека», ведь для человека, никогда не видевшего горизонта, это понятие, должно быть, очень абстрактно. Всё подталкивало к одному выводу: это будет тяжёлая экспедиция.

Глава 3 - Они живые!

Зёма открыл глаза, слепо глядя на белую муку, сыпавшуюся с неба. Глаза резало так, словно кто-то долго и тщательно слепил их прожектором. А челюсть болела так, как будто её пытались выкрутить. Всё тело по большей части ломило, и ничего приятного в этой виртуальной реальности не было. Вдобавок неплохо морозило.

«Побочный эффект адаптации? Ничего себе эффект присутствия»! – хотел было сказать юноша, но вместо этого выплюнул порцию крови.

Разбитые десны кровоточили, а на губах запеклась корка. Сильно болела голова. Под глазом саднило и нарывало. Не лучшее состояние для пробуждения.

– Что-то разработчики переборщили. Моя голова просто раскалывается, – послышалось от Демона. На лице друга была царапина во весь лоб, словно его волочили по земле некоторое время. – Глаза щиплет. Зём, посмотри. Мне песок попал в гарнитуру?

– Какой песок? Что ты несёшь? – возмутился специализированный офтальмолог. – Как я тебе в шлем посмотрю, если он остался в капсуле? Здесь только наше присутствие разума в оцифрованном мире.

– А зачем нам этот маскарад с разбитыми лицами устроили? – не понял друг. – Для атмосферы?

– Камуфляж? – неуверенно обронил Зёма, ловя рукой снежинку.

До этого снег он видел только в холодильнике. Как и целое поколение людей под землей.

– Ольха? – Вики тем временем расталкивала подругу.

Та сонно брыкала ножкой, отмахиваясь, как от утренней побудки в школу, пока не пришла в себя.

Четверо поднялись, разглядывая друг друга со смешанными чувствами. В глаза сразу бросились несколько моментов. Во-первых, все ребята оказались в той или иной степени избиты. Синяки и ссадины были тому свидетельством. Во-вторых – все облачены в привычные «саламандры» и «элефанты». В-третьих – у каждого в глазах линзы. Но не прозрачные, как для подземелья, а затемнённые и суженные до предела в районе зрачков. Белки оставались открытыми, но тоже под пленкой, которая, видимо, могла затемниться в любой момент по движению зрачка, как быстро понял Зиновий.

– Нанотехнологии во всей красе защищают наши глаза от слепоты в слишком ярком мире, – пришёл к первому выводу хирург-офтальмолог.

– Что происходит? – первой спросила Вики. – Зачем ботам защита для зрения?

– Как – что происходит? Мы избиты, у нас в глазах фильтры, нам вернули защитные костюмы... – начал перечислять Зиновий, не уверенный конкретно ни в чём. – Это что получается, нас вытащили из капсул и одели?

– Ребят, может нас похитили культисты? – предположила Ольха, потирая синяк. – Болит, как в жизни. Не может же так болеть! Слишком реалистично.

– Нам же обещали новый уровень эффекта присутствия. Вот и болит, – ответил Зёма, не понимая зачем им подобная защита для глаз. – Но глаза щиплет, как будто мы на поверхности.

– Действительно! Я в небо посмотреть не могу, – согласилась с ним Вики. – В играх так не бывает. Это настоящее солнце, хоть и под шапкой облаков. Без фильтров мы бы ослепли. Но игре не нужно нас слепить. Что происходит?

– Да и обещанных эльфов с гномами и пальм на берегу моря я не вижу, – поддержала подругу Ольха. – В играх оружие выдают и вводную.

Немного привыкшие глаза всех четверых разом остановились на четырёх ящиках рядом, уже укрытых легким покрывалом снега. Зиновий первым подошёл к ним, смахнул снег с крышки. Засовы открылись, как только юноша поднёс к ним руку, будто его искин разблокировал магнитный замок.

– А вот и обещанное оружие! – улыбнулся вихрастый юноша.

– Похоже, мы всё-таки в игре. Не волнуйтесь. Сейчас ко всему привыкнем, – добавил Демон.

В первом ящике лежал военный модуль на «саламандру». Насколько помнили ребята по внешнему виду, такой устанавливали на правую руку органы правопорядка под куполом. Но этот был гораздо больше. Зёма продел руку в браслет, и он самостоятельно опоясал запястье от кончиков пальцев до локтя. Походило на то, что стандартный выдвижной энергетический разрядник, использовавшийся для подавления отрядов культистов под землей, заменили на оружие помощнее, возможностей которого ребята не знали.

Юноша вытянул руку, прицелился в столб, торчащий из снега, и дернул пальцем, как будто нажал на несуществующий курок. Ослепляющее пламя света вырвалось из дула и снесло столб ко всем чертям.

Все четверо тут же прикрыли глаза, попадав на землю.

– Мощность поменьше настрой, придурок, – посоветовала Ольха.

– Умная, да? Методом проб и ошибок я пришёл к тому же выводу! – отмахнулся вихрастый друг.

– Что всё это значит? – воскликнула Вики, разглядывая летающие мушки перед глазами. – Почему не отключили «дружеский огонь»?

Мушки в глазах сливались с падающими снежинками. Всё это смотрелось бы весьма интригующе, но только там, в тёплом уютном мирке подземного купола, а не здесь, где слепило глаза и очень хотелось вернуться обратно в тепло и знакомый полумрак подземелья.

– Похоже, нас всё же похитили. Но не культисты, а военные, – пришёл к новому выводу Зиновий, ощущая эффект сухого глаза. – Нас отправили на поверхность, друзья мои.

– А раз так, то какая разница кто это был? – проворчала Ольха. – Надо вернуться обратно!

Демон подскочил к опустевшему ящику.

– Что вы такое несёте? Это игра! Правда… здесь нет зарядного устройства или батарей. Это либо короткая миссия, либо без возможности для возвращения. И... зачем им студенты?

– Мы самая коммуникабельная прослойка среди подземников, – напомнил общепринятый факт Зиновий. – Но впредь я обещаю экономить «патроны». Мало ли угроз на поверхности.

– А как же спецчасти? Спецагенты? Почему именно такие необученные балбесы, как мы? – послышалось от Ольхи. – Нет, ребят, на поверхность могли отправить только спецназ. Чем балбесы шестнадцати лет лучше?

– Тем, что мы первые люди, которые родились под землей, а не спустились туда, – на эмоциях вспылил Зёма и задумался. – Мы не знаем этого мира, как все прежде до нас. Мы не отличим яви от вымысла разработчиков этой игры, если это всё-таки игра или какой-то научный эксперимент. Мы удобны, как ни крути. Мы – лабораторные крысы!

– Спокойнее вы, за нами могут наблюдать. Возможно, с помощью этих самых линз, – предположил Демон.

– Но линзы можно снять через несколько дней, когда глаза адаптируются, – прикинул Зиновий.

– Значит, это всё-таки короткая миссия, - никак не желал верить в реальность мира Дементий.

– Дем, за нами следят всю нашу жизнь. Ничего нового!

– Да ладно, ребят. Это не по-настоящему. Это всё-таки такая игра, – неуверенно заявила Вики. – Интро или демка нового проекта. Сейчас минут десять поиграем и к эльфам с гномами попадём. Просто мы не ожидали, что всё будет настолько реально. А теперь ощущаем, на что способны стазис-камеры.

Демон отпихнул первый ящик и открыл второй. Там лежал модуль, который можно было назвать защитным. Он также одевался на правую руку. Если первый представлял модуль нападения, то это дополнение для костюма позволяло его обладателю генерировать защитное поле перед собой. Такое вооружение использовали силы быстро реагирования под землей, когда сдерживали толпу протестующих против чипизации в первые годы существования под куполом. Порой оба модуля надевались на обе руки сразу, но тогда было необходимо снять ИМИИ, а без связи и привычного цифрового помощника ни один подземник долго обходиться не мог. Потому органы правопорядка действовали в паре. Один в защите, другой в атаке.

– Дем, давай поменяемся модулями. Ты стреляй, а я буду защищать, – сказал Зиновий, больше не желая казаться новичком-нубом обращении с энергетическим оружием.

– Как скажешь, – ответил рыжий друг и отстегнул свой модуль.

– Всё можно проверить. В игре есть определенные ограничения. Например, нас вряд ли заставят справлять естественные потребности, – припомнила Ольха и с вызовом посмотрела на ребят.

– Я не хочу, – отвернулся Демон, густо покраснев.

– На меня не смотрите, – отшатнулся Зёма. – Я и есть-то не хочу.

– Нам что-то вкололи. Помните? Это могло замедлить процессы, – напомнил Демон. – Транквилизаторы? Допинг?

– Воздействие фармакологии не ощущаю, – поразмыслив, ответила фармацевт-Ольга.

– Ребят, мы забыли про помощь того, что всегда под рукой. – И Вики победно указала на свой искин, сделав голосовой запрос. – Друг, сделай-ка нам анализ обстановки. Например, проверь интенсивность света.

Проекция искина не высветилась, тёмен был и дисплей. Ответа не последовало, и с подобным ребята столкнулись впервые в своей жизни, сколько себя помнили.

– Либо разрядилась батарея, что невозможно в течение месяца после последней зарядки, да и подобранные цвета наши «саламандры» держат, либо разработчики предусмотрели этот ход, и искин представляет собой лишь декорацию для костюма, чтобы привычнее было. А так он здесь и не положен, – продолжила развивать свою теорию Вики.

– Вика, это не игра! – воскликнул Зёма. – Мы на поверхности. И это дело рук либо культистов, укравших нас из игрового центра и похитивших оружие у военных, либо самих военных, заславших нас на поверхность для разведки, так как сами без искинов они здесь и дня не протянут…

– Эй, вы, ссыкуны! Слышите нас?! Что от нас требуется? – грозно добавил Демон, заполучив модуль атаки.

– И зачем было нас бить? – на всякий случай добавила Ольха, согласная с большинством доводов ребят.

– Может, нас просто неудачно транспортировали? – пожал плечами Зиновий, всё ещё щурясь.

Четверо замолчали, переваривая информацию. Наконец, Ольха тоже подошла к грузу, скинула пустые ящики и склонилась над содержимым третьего, активируя свой модуль.

– Мне достался дрон, – донеслось от неё. Бритая девушка надела на руку посадочно-заряжающий модуль для беспилотного летательного аппарата небольшого размера. Впрочем, сам модуль был больше всех предыдущих. – Зачем нам тут дрон?

– Для разведки, – бодро ответила Вики и спихнула ногой опустевший ящик подруги.

Самой Виктории достался модуль, назначения которого не мог понять никто. Ребята просто не сталкивались ни с чем подобным. Продолговатая коробка, занявшее место на руке, не реагировала на голосовые команды и движения пальцев её тоже не интересовали.

– Короче, оставь. Может, он просто не работает. Позже разберёмся, – пришла к выводу Ольха. – Давайте найдем, где погреться. Температура ниже нуля. Уши отваливаются!

– Чихни, – посоветовал Зёма.

– Думаешь, с инфекционным капюшоном будет теплее?

– На первое время – да. В любом случае рано или поздно чихнешь, так что лучше сразу замкни его на себе, пока костюм не разрядился.

Глаза всех немного обвыклись со светом и перестали слезиться. Морозное хмурое утро подарило ребятам свинцовое небо и безветренную погоду. Работающие костюмы держали тепло, но вот ладоням, щекам и ушам, не привыкшим к холоду и не укрытым «саламандрами», было тяжело переносить даже легкую зиму. С непривычки.

– Ребят, если мы на поверхности, здесь всё должно быть в радиации, – напомнил Демон.

– Проверить без счётчиков мы всё равно не можем, но модуль персональной защиты сработал бы автономно, - прикинула Вики. – Ещё в костюмы первой версии встраивали датчики Гейгера. Забыл?

– Меня больше беспокоит, насколько хватит заряда костюмам в условиях постоянного подогрева и активации дополнительных модулей, – ответил Демон. – Неделю продержатся? Две?

– Я могу свой модуль выбросить в любой момент! – воскликнула Вики, испугавшись, что холодно будет не только конечностям. – Буду батарею экономить.

– Оставь. Модуль положили не просто так, – посоветовал Зёма и переглянулся с Демоном. В глазах друга мелькнуло понимание, что они попали в такую передрягу, которая никаким игрокам в «Солярисе» и не снилась.

– Что ж, пойдём по шпалам. Может, и выйдем к теплу, – снова сказал Зиновий и первым зашагал в неизвестность.

Но не прошел он и двух шагов, как пара фраз в спину заставила остановиться.

– Ты пока не собрался в закат уходить, давай лучше я дрона запущу. Посмотреть округу, – предложила Ольха. – Так быстрее будет искать источники тепла. Должен же в нём быть тепловизор.

В небо без предупреждения взлетала стрекоза-бикоптер. Две камеры вывели изображение на дисплей посадочного модуля. Дрон сфокусировал камеру на четыре фигуры у железнодорожного полотна и взмыл высоко под самое небо, ориентируясь на них. Основной дисплей искина не работал, но тот, что находился на модуле дрона на руке Оли отображал всю информацию в сверхчётком изображении. Перед ребятами раскинулся бескрайний белый мир, редко прерываемый кривыми лысыми деревьями и остовами строений. Ближайшим ориентиром с отдалёнными признаками жизни оказался дым от костров, поднимавшийся от пары сооружений. Отпрянув от экрана, ребята и сами разглядели лёгкую дымку на северо-западе, вздымающуюся в небо, пока не растворялась в общей мрачности дня.

– Там люди, идём! – откорректировал направление Зиновий. Но подумал и снова остановился, схватившись за грудь. Сердце застучало как бешенное. – Ребят, тут слишком просторно. Давайте снова ухудшим зрение, а? Мне что-то... тяжело… дышать.

Ольха без разговоров поддала другу под зад:

– Пошёл, давай! Панику он будет мне тут наводить! А ну, шагай! Не время отвлекаться на истерики.

Лысая подруга как истинный фармацевт могла лечить и эффектом плацебо. Зёма поверил в себя с первого удара. От сердца, в любом случае, тут же отлегло и дыхание быстро пришло в норму.

Глава 4 - Батин поезд

Анклав «Владивосток».

Последний сварочный аппарат потух ещё вчера, и суета снабженцев, заполняющих вагоны полезным грузом, прекратилась. Весь цех пропах свежей краской. Цветастый состав напоминал Каю Брусову что-то старое из далёкого детства, когда ещё пытались красить двери и стены подъездов и ЖКХ разукрашивал детские площадки.

Покрасили, конечно, тем, что было. На складах оставалось не так много краски, всё ещё годной на что-то, кроме разложения на химические компоненты и вони. В результате локомотив состава «Варяг» был выкрашен в строго-чёрный цвет, грозный, как хищный зверь. Дальше следовали синие, зелёные, красные и жёлтые вагоны... Предпоследний получился оранжевым, а самый последний и вовсе пришлось покрасить розовым, за неимением другой краски. Так что состав смотрелся как веселый паровозик. Но данное действие преследовало чисто практическую цель: покраска должна была защитить вагоны и тягач от ржавчины. Снег и дождь не пойдут составу на пользу.

«Батин поезд», несмотря на цветастость, всё же выглядел здорово: устрашающе грозный для врагов, внушающий уважение друзьям и чувство надежности – жителям анклава. Без зазоров и окон, «Варяг» растянулся по рельсам единой сплошной металлической сигарой. Гусеницей, чья толстая шкура из листового железа была покрыта шрамами нахлёстов, узлов и соединений, оспинами болтов, дюбелей, разного рода торчащих антенн, закрепленных датчиков и других выпуклостей, назначение которых даже для Брусова оставалось загадкой. Учёные напихали что-то свое, до хрипоты споря со всеми сменами технарей. Он одобрил только узлы связи и внешние датчики Гейгера, да освещение, остальное отсёк, не желая генераторам большой нагрузки.

Брусову, как старшему экспедитору достаточно было знать, что все провода, короба системы вентиляции, кондиционирования и воздухоочистки надёжно упрятаны под неровной шкурой. Вздумай кто открыть огонь по поезду – от случайных пуль инженерные коммуникации тоже были надёжно защищены. Гармонии и красоты во всей это палитре разноцветного железа не наблюдалось, но главным для инженеров являлся результат. Некому крутить пальцем у виска. Другого такого состава в мире нет.

Бронированная «юбка» поезда едва ли не касалась бетонного пола подземного цеха. Лобовая броня на «таранном» вагоне, поставленном впереди локомотива, была усилена многократно и для устрашения обзавелась шкурой Искателей, которые когда-то бродили возле анклава, пробуя его жителей на зубок. Их броня говорила о том, что при условии целости рельсов «Варяг» мог сносить со своего пути любые препятствия. А в случае, если «целое» полотно частично поросло кустарником и деревьями – срезать их по ходу движения, не делая остановок. Так же можно было справляться и со льдом, расчищая его своим весом. Масса решала!

Ехать команда всё же собирались тихо и осторожно, по возможности, осматривая рельсы впереди себя. Вынуждали обстоятельства и полная неизвестность пути. Да и с топливом в виде дров и картонных коробок развить очень большую скорость экспедиции не светило. Уголь нужно было беречь и не пускать в топку в начале пути. Определенный запас «для бегства» всегда должен оставаться.

За чёрным тягачом следовал «модернизированный» тендер-вагон строго синего цвета, засыпанный углем по боковинам почти до потолка и закиданный всяким горючим барахлом. Как переходное звено между тягачом и прочим составом, синий вагон был герметично закрыт, в отличие от простого тендера. Он имел всего одно окно в самом центре – одинокий двойной

стеклопакет, добытый одним молодым рейдером, «стеклянное чудо», – и этот вагон был самым тёмным из всех в дневное время суток. В ночное же время здесь горела одинокая лампа. На все прочие вагоны приходилось по две лампы. Для кочегара много света не нужно, решили конструкторы.

Второй «фишкой» этого вагона была его съёмная крыша. При первой же остановке в лесу для недопущения попадания возможной радиации в салон тягач и основной состав закрывались, и крыша отъезжала в сторону, чтобы дровосеки могли спокойно накидывать сверху в вагон бревна или другое топливо. Из-за высокого уровня радиации технари отрезали тягач от состава, и добраться до него можно было, только обойдя весь состав... Но как же группе не хотелось возить что-то зараженное радиацией. Машинист с кочегаром все же были частью будущей семьи, по разумению Брусова, а не отрезанными ломтями, с которыми только по рации и можно общаться.

За синим вагоном с углём шли два светло-красных с оружием. Ящиками здесь всё было заставлено до потолка, и они были хорошо укреплены. Оставался лишь узкий проход в центре, как и в вагоне-тендере. Если прочие два вагона с оружием группа ещё могла как-то использовать, закончись все патроны до последнего – что весьма сомнительно, так как вооружилась экспедиция до зубов, – то эти два были неприкосновенны. Хоть строгай лук и стрелы, сказал глава анклава Седых, точи копья, но красные вагоны – табу. Иначе бартер не состоится, и цель экспедиции обречена на провал. Выходило, что группа не могла привезти меньше двух вагонов оружия. Предстать несерьёзными людьми перед хабаровчанами никто не хотел, иначе о каком союзе речь?

В зелёном – или первом жилом – вагоне Брусов поселил женщин и учёных, а также медперсонал. Рядом с учёным и доктором находилась и его, Кая, лежанка.

В соседнем купе должны были спать машинист, помощник машиниста, ботаник анклава и повар Алиса Грицко. Все прочие купе в этом вагоне были чисто женскими. Всего в зеленом вагоне находилось двадцать пять человек. Одному человеку приходилось постоянно либо не спать, либо дремать в проходе, поскольку часть купе загрузили медикаментами, личными вещами, канистрами с водой, предметами первой необходимости, гигиены, личным оружием и прочим, прочим, прочим... Так что Брусов для увеличения свободной площади рассчитывал держать дежурных на турелях с автоматами, вваренных, ввинченных в потолок жилых вагонов и выдвигаемых по нужде наружу. Для общего спокойствия. Вперёдсмотрящие, как на мачтах старых кораблей, должны были говорить, спокоен ли вокруг «бескрайний океан».

Для дежурства имелась и ещё одна причина. Ночью состав двигаться не станет, слишком опасно. Заперев все двери, экспедиция вынуждена будет ночевать, где придётся. При отсутствии окон наружный обзор могли вести только упомянутые часовые. Два «глаза».

За зелёным жилым вагоном находился голубой нежилой, заполненный от пола до потолка ящиками с оружием. Закреплены не так плотно, как в красных и Брусов предполагал, что из оружия здесь лежали простые патроны. Капраз особо не распространялся, что в этих ящиках, но в них при необходимости можно было залезть.

Во втором жилом вагоне, покрашенном в коричневый цвет, расположилось мужское сообщество в количестве тридцати человек. Несмотря на то что в вагоне находились только люди, без дополнительного груза, для четверых всё равно не хватало лежанок. Кто-то добровольно-принудительно всегда должен был бодрствовать. За вычетом двух на «вышках»-автоматах, ещё двое чем-то должны были себя занимать. Или валяться в спальниках по проходам.

За вторым жилым вагоном был белый вагон-«столовка». Здесь среди царства запасов провианта вскоре обустроится повариха Алиса Грицко. И Брусов рассчитывал определить ей пару помощников из числа мужчин, чтобы не дрыхли без дела.

С белой столовкой соседствовал фиолетовый вагон. Последний вагон с оружием на бартер. Среди закрепленных ящиков имелись и образцы тяжёлого оружия, громоздкого, мощного,

раньше способного останавливать танки, а ныне пользующегося особой популярностью при защите от ищеек ИИ. Козыри экспедиции, от которых хабаровчане непременно пустят слюнки и отдадут свои лучшие семена на экспертизу ботанику анклава.

В жёлтом вагоне покоился рабочий инвентарь технарей, аппаратура учёных, которые вымолили у совета место в вагонах, а также тяжёлое оружие самой группы, не поместившееся в тесных купе и занимавшее слишком много места. Были здесь и костюмы химической защиты, и все прочие антирадиационные приспособления. Так же тут стоял дизельный генератор, заряжающий при необходимости фонари и антирадиационную камеру, и дефицитное топливо в пузатых бочках и канистрах. Вагон для всякого хлама, без которого весь прочий состав бессмыслен. Ещё здесь пристроились несколько «рабочих» ящиков с гранатами и патронами разного калибра.

И как единый «хвостик» состава – держались вместе второй жёлтый, оранжевый и розовый вагоны, освобожденные изнутри от всяких купе и перегородок. Они были под завязку завалены рельсами, шпалами, железнодорожными гвоздями и всем необходимым для ремонта железнодорожных путей. К потолку в последних вагонах были приварены кольца, и с помощью нехитрой системы рычагов всего три человека могли достать рельс хоть из-под самого потолка. В пределах салона же рельсы катили на специально спроектированном металлическом «столике» на тяжелых колесах.

Заканчивался состав антирадиационной камерой в последней четверти розового вагона. Система очистки, делающая безопасным проживание в консервируемом передвижном островке жизни, была необходима даже больше, чем оружие.

Брусов, вновь прогнав в голове список содержимого вагонов, отошёл от «Варяга». Техники на улице тем временем демонстрировали обе турели. Искусственные люки без скрипа разъехались в стороны, и под радостные возгласы собравшегося народа на свет появились крупнокалиберные «Утёсы»<1>. С хрустом закрепившись в пазах, знаменитые машин-ганы в один момент превратились в укрепленные гнёзда-башни. Люди должны были это видеть для поднятия духа. Чисто с практической точки зрения при прорыве из города или враждебной станции эти турели могли оказаться полезной штуковиной. Разве что нельзя было убирать их обратно, если счетчики радиации начали бы паниковать.

Первое примечание автора. Крупнокалиберный пулемет НСВ калибра 12 и 7 миллиметра.

В таком случае, предполагал Брусов, людям придётся бегать по крышам вагонов и дежурить в костюмах химзащиты, а заходить и выходить строго через обеззараживающую камеру в хвосте состава. В дверь к машинисту никому ни ногой.

Молодежь анклава облепила состав со всех сторон, во все глаза разглядывая тонны металла на колесах. Вот так и появляются на свет божий легенды. Провожали Экспедицию всем анклавом. Глава анклава Седых по случаю крупнейшего за последнее время события взобрался на специально сколоченную для этого дела трибуну и бодрым голосом заговорил сначала общие слова, потом нужные. Голос его прокатился по цеху, отражаясь от железных листов и стен, так что слышно было хорошо без всякого микрофона. Люди притихли, вслушиваясь в каждое произнесенное слово своего лидера и вождя.

– Сегодня мы собрались, чтобы доказать себе одну вещь, – заявил Седых, обращаясь к своему немногочисленному народу. – Наш анклав будет жить, ребята! Мы только что закончили большую работу. Такую большую, что в самом начале, если честно, даже я был не уверен, что у нас получится. Но у нас получилось! Мы сделали первый после гибели мира локомотив. Отныне наше будущее – в наших руках. И только воля совершить невозможное отделяет нас от победы!

Седых глубоко выдохнул и снова вдохнул.

– Экспедиция отправляется в путь. Вы все знаете, зачем и куда. За полгода, я уверен, не осталось в анклаве даже младенца, который бы не слышал про Большой караван на север. Сейчас перед вами готовый состав. «Варяг» поставлен на рельсы – и он на ходу! Оружие для бартера собрано и разложено по вагонам. Команда подобрана и полна решимости совершить то, к чему готовилась весь этот долгий срок. Я не верю, я знаю – они вернутся! И привезут нам груз из Хабаровска, взятый в обмен на оружие и патроны. Караван вернётся сюда с товаром провизии и семян! Как раньше, в далеком прошлом до Катастрофы транссибирская магистраль кормила и поила наш город, так будет и впредь. Навсегда!

Брусов смотрел на всегда спокойного, мрачного Седых и недоумевал. Ему казалось – или на старческих, вечно красных и злых глазах действительно показались слёзы? Старик дрожал, но держался. Что ж, следовало отдать ему должное. Во многом именно благодаря военной диктатуре бывшего капитана тихоокеанского флагмана анклав удержался на плаву в первые, самые ужасные годы. Он сохранил население, женщин и детей, и не растратил этот «биологический фонд» на пушечное мясо лидерам банд и для сексуальных забав облученным отморозкам «свободным».

Седых слыл диктатором в свое время, и в первые годы про него довольно грязно шутили, как про «расстрельника», шлепавшего каждого, кто говорил ему слово против. Однако в последние годы стало понятно, что суровые меры и личная власть вовсе не привлекали этого унылого и злого старика, а единственным, о чём он заботился, – было сохранение жизни. Сейчас, глядя на слезы в глазах «диктатора», Брусов понял это яснее и чище, чем когда-либо раньше. Боевой капитан, водивший российские суда на патрули в Сомали, Тимор и даже в Залив, был, безусловно, жесток и резок. Но он любил и ценил всех своих людей и вел их, как Моисей по пустыне, все эти шестнадцать жестоких лет.

– ...а мне, – закончил тем временем Седых, – остается только представить вам лидера группы и начальника экспедиции, известного всем вам Кая Брусова. Батя, я даю тебе звание адмирала! Такому кораблю нужен высший руководящий чин. Иди сюда, адмирал, бери своё слово!

Брусов, услышав о новой должности, от неожиданности закашлялся. Его смутило неожиданное повышение. Начальник экспедиции – да. Но «адмирал»? Это выглядело перебором для того, кто привык считаться старшим лейтенантом.

Ноги словно сами собой поднялись по ступенькам и встали рядом с полненьким Седых. Брусов был выше «главы» почти на голову – и чтобы не смущать собравшихся этим соотношением, он предусмотрительно отступил назад.

– Я не буду говорить вам о важности Экспедиции. Вы всё видите и понимаете сами. Мы просто уедем и вернёмся с добычей. И мы – выживем!

– Да! Выживем! – закричали собравшиеся на явном подъёме эмоций.

Вот так скромно и со вкусом Брусов, и не думавший произносить никаких речей, отделался от пожирающих взглядов и ушел с трибуны. Батю не заботило, что сказал он всё лишком быстро, слишком необдуманно и слишком прямо. Душой он уже летел с паровозом вперёд и не видел причин тянуть время.

– Так оправдайте возложенные надежды, сынки! – глава анклава, видя, что шоу закончено, обвел туннель суровым пристальным взором, затем тактично добавил. – И дочери!

После чего слез с табуретки и крикнул:

– Открыть ворота!

Народ оттянулся от поезда, давая пространство группе и расчищая рельсовый путь. Экспедиционная группа стала исчезать один за другим в железном чреве состава, пробираясь в один из двух входов-выходов в последнем, двенадцатом, розовом вагоне, причём в самой «хвостовой» его части. Обеззараживающая камера пока не работала, так что процесс этот не занял

много времени. В сильно заражённых радиацией областях (а таковыми предполагались почти все) работать группа должна была совсем иначе.

Второй дополнительный вход-выход располагался в будке локомотива у главного машиниста Амосова и его помощника. Там внук машиниста, Пий, под строгим контролем деда уже активно кидал в топку угольную породу. Экономить на старте было нельзя – поезд должен уехать красиво.

Пока команда и боевые подразделения грузились в вагон, Брусов потихоньку подошёл к Седых и, для порядка кашлянув, поинтересовался:

– Э-э... Руслан Тимофеевич, ты в адмиралы меня за что? Сдается мне, не по заслугам.

Предводитель хмуро ковырнул ветерана взглядом и, снова отвернувшись и наблюдая за «погружением» экипажа в розовый вагон, довольно мягко заявил:

– За твою речь тебя на вышку бы на месяц-другой, уши поморозить в дозоре. Но я тебя и так неплохо наказал. Едешь в неизвестность. Так что вместо лычек сержанта народ иди по тамбурам развлекай. И не задавай глупых вопросов. Представителем анклава я к хабаровчанам старлея вшивого, что ли, зашлю?! – вспылил, наконец, Глава. – А старшими офицерами в отряде ты как командовать собрался, хрен моржовый? Интересно будет посмотреть, с какой охотой тебя будут слушать другие старлеи, капитаны и прочий грёбаный майорат. Вроде седой уже, Брусов, а всё балбес! Железнодорожник, твою мать! Шуруй давай! Чтобы я тебя без свежей зелени тут не видел!

Батя, получив заряд бодрости, вскочил на ступеньку и скрылся во второй двери, что вела к машинисту. Тяжёлые стальные врата цеха медленно отворились. Атомный рейд начался! Паровоз утонул в свете солнца, ярко светившего с небосвода. Добрый знак. Ни тучки. Порывы ветра с севера очистили пространство над морем. Восточного ветра, гибельного и страшного, несущего на побережье радиацию и кислотные ливни, в этот день не было.

– Господи, как давно мы не видели яркого солнца! – воскликнул непроизвольно Брусов, не вылезавший из сборочного цеха последние месяцы.

Сталкеры доносили, что снаружи всё больше низкие серые тучи, серый мир, грязный ядовитый снег. Но сейчас приборы показывали, что в кои-то веки можно дышать на поверхности полной грудью. Ребята на вышках с самого утра стояли без респираторов.

От солнца с непривычки защипало глаза, навернулись слёзы. Все прищурились, прикрывая лица руками. На улице термометр показал плюс два-три градуса. Небывалая теплынь. Не придётся каждый сантиметр рельсов ото льда освобождать. Народ расчистил пути до последних вышек, а дальше оттепель неплохо справляется с работой. Снег отступал, рельсы показали металлические шляпки, жаль, пока не было видно шпал.

Брусов посмотрел на вышки. Несмотря на невозможно высокую в последнее время температуру, пограничники по привычке стояли в тулупах, валенках и зимних шапках-ушанках, махали. Паровоз выдал порцию пара, и пожилой машинист Амосов – или Кузьмич, как все в анклаве привыкли его называть – уже понукал помощника Пия, без устали орудующего с лопатой для поддержания жара в топке.

Кузьмич был самым старшим человеком в группе. И довольно крепок телом. На зависть многим машинист держал себя в отличной форме. Усмехнувшись в бороду возгласу Брусова, он кивнул и дал гудок.

Крики одобрения прокатились по всему цеху. Брусов и сам ощутил, как от сердца немного отлегло – поезд едет. Уже неплохо. Теперь самое простое: доставить его из пункта «А» в пункт «Б». Как в школьной задачке для младших классов.

Колеса, ощутив тягу, медленно сдвинулись с места, и поезд неспешно тронулся. Высунувшись с машинистом из дверного проема, «старпёры» команды жадно вдыхали морозный воздух. Белый пар поднимался к небесам. От застоявшегося в цеху запаха краски немного

кружилась голова, и вдохнуть кислорода было просто необходимо. Солнце в небе – это такое редкое явление.

Кузьмич встал у окна, разглядывая рельсовый путь. Цех позади ещё стоял какое-то время с открытыми вратами, выветривая запахи масштабной постройки, но скоро их вновь закроют.

Когда состав преодолел расчищенную трассу и миновал последние сторожевые вышки, Кузьмич с сожалением понизил скорость. Поезд принялся вгрызаться в наледь на рельсах, с хрустом её перемалывать. Растаяло не везде.

– Пий, ну хватит там! Отдохни! – крикнул машинист внуку, пробурчав под нос. – Ишь, разошёлся, работничек.

Брусов закрыл бронированную дверь на засовы. Взгляд скользнул по датчику Гейгера, подвешенному в углу рядом с иконкой Богоматери.

Датчик говорил, что радиационный фон в норме. Стандартные две трети до предельно допустимой нормы. В цеху была треть. На улице же радиационный фон, как правило, всегда выше нормы – порой незначительно, порой кошмарно выше. Но понятие нормы давно сместилось ближе к красной отметке на старых счётчиках.

– Ладно, Кузьмич, давай тихой сапой крадись, а я пойду с народом пообщаюсь. Буду на связи, – обратился Брусов к машинисту, и тот снова важно кивнул.

На весь состав было четыре рации. Одна у Брусова, вторая у машиниста и по одной на жилой вагон у связистов.

Поезд действительно стал красться. Едва ли двадцать километров в час. Не ощущалось ни качки, ни вибрации. Только слабый перестук колёс. Хорошо, что внутри салонов ничего не красили – людям не пришлось мириться с тошнотворным запахом.

Глава экспедиции прошёл рядом с Пием. Парень вновь натягивал майку, поостыв после работы с лопатой. От печки потянуло жаром, та постепенно раскалялась от горения угля. Никто не пожалел времени, потраченного конструкторами, предусмотревшими две двери. Одна отгораживала основной состав от внутренней кочегарни, вторая отделяла её же от главного машиниста. При желании вагоны могли греться от печки, в ином же случае от неё отдыхали. Пока все были тепло одеты и нужды в высокой температуре не было, но ближе к ночи будет холодно и необходимо дать тепло по всем жилым вагонам.

Прикрыв дверь, Брусов прошёл по бронированному переходу, засыпанному углем, к вагону. Сам вагон тоже был по обе стороны засыпан углем, и лишь доски надёжным забором ограждали проход посередине для одного человека с грузом.

– Ну как, все устроились? – Брусов прошёл по купе, рассматривая, всё ли в порядке. – В тесноте, но не в обиде? Да?

– Всё в полном порядке, шеф, – донеслось из купе бравых служительниц, от лучшего стрелка – капитана Елены Смирновой.

– Лучше только поспать, – добавила повариха Алиса, выглядывая из соседнего купе.

– Да тут мягче, чем в бараках анклава, – крикнула оттуда же Анжела, развалившись на своем спальном месте. – Одеяла из спецхранилищ достали? Я таких чистых никогда не видела.

– Капраз либо свои отдал, – хихикнула Смирнова, – либо сам постирал.

– С него не убудет за картошку, – согласилась Жанна, щупая рукав куртки. – Но мне больше спецовки нравятся. Новенькие, чистые. Точно только со склада.

Настроение у девушек было приподнятое. Все шутили, смеялись. Хорошо, что конструкторы не стали ломать жилые вагоны изнутри. Пусть у каждого члена экспедиции будет хоть немного личного пространства. Вон и бурчание учёных не так слышно. Или это доктор шушукается с ассистенткой? Брусов понимал, что с каким-то из этих умников ему спать в одном купе и о взаимоотношении полов ещё немало предстоит узнать.

– Личному составу обживаться, – велел Кай, застыв перед купе капитанши. – Лена, через десять минут дуй на вышку. Будешь лицезреть округу в оба глаза. Инструктаж ты прошла,

научишь остальных. Через каждые полчаса дежурства – смена. Сама назначишь необходимых людей.

– Будет сделано, батя! – расплылась в добродушной улыбке Елена, отдавая честь. В голосе слышалась небольшая ирония. Ещё вчера Брусов был с ней одного чина. Теперь он затмил генералитет.

– Паровоз не боится ни быстрой езды, ни высокой форсировки котла. Паровоз боится только невнимательного обращения, плохого ремонта и ухода, – послышалось по рации, после чего – серия матов и веское предложение не давить на клавишу.

Проверка связи у машиниста прошла успешно. Видимо он зачитывал Пию нотации из «Инструкции по паровозовождению». Эту книгу пролистал и Брусов на досуге, но не с таким удовольствием, как «Как закалялась сталь». Всем им предстояло побыть месяц-другой Корчагиными.

Начальник экспедиции сделал вид, что не заметил вольности, прошёл дальше в своё купе. Не обращая внимания на суету медиков, сел на нижнюю полку. В его купе обживались доктор и медсестра и предстояло создать нечто вроде лазарета по необходимости. На полке уже лежали бронежилет с рожками для автомата по всем карманам, лёгкая каска-сфера и верный, потертый от долгого использования АКМ. Под полкой покоилась сумка с личными вещами и несколько персональных сухпаев, выданных каждому в группе индивидуально на всякий случай. Пистолет Макарова был запрятан подальше.

– Кай Саныч, скоро станция «Первая речка», – зашуршало в рации хриплым, спокойным голосом. – Путь как по маслу. Проскочим без остановок?

– И «Вторую речку», – припомнил Брусов. – До «Угольной» можешь не останавливаться. Притормозишь, по возможности, за километр-другой. Мы собираемся, Кузьмич.

Глава экспедиции быстро натянул на себя бронник, нацепил каску. Калашников повис через плечо. Остановившись в конце вагона, Брусов крикнул:

– Ленка, пятиминутная готовность!

– Будем как по часам, шеф! – ответила задорно капитанша.

Брусов прошёл до второго жилого вагона в мужское логово, прикрикнул:

– Мужики, боевая готовность.

– Мы слышали, – прогудел басовито за всех рослый стрелок – старший лейтенант Богдан Бессмертных, намекая на рацию, что лежала в купе майора Сергеева – «командира вагона», а заодно и всех военспецов.

Минёр майор Сергеев, как и снайперша Ленка в своем вагоне, распоряжался дежурством на второй вышке и следил за боевой готовностью подопечного отряда. И порядком по совместительству. Он и отдал первым приказ к выходу. Автономность, обеспеченная капразом, всех держала в тонусе. Когда в вагон зашёл Брусов, военспецы уже разложили вещи и были готовы ко всему.

Сергеев замер напротив счетчика Гейгера, раздумывая, давать ли приказ на облачение в химзащиту? Стрелка показывала лишь чуть более двух третей нормы. До тревожного хруста счетчика было далеко. Угольная, насколько знали члены анклава, не заражена. Но всегда могли подуть восточные ветры, и был шанс хватануть хорошую дозу.

– Не думай, майор. Облачайтесь, – приказал Брусов. – С радиации не убудет.

– Группа готова к выходу... адмирал, – по-военному чётко отчитался Сергеев и с легкой заминкой отдал честь, приложив пальцы к виску под потёртой каской.

Словно компенсируя более старую каску, чем у Брусова, бронник майора был из последних образцов. Не чета адмиральскому. А вот калаш в руках – образца сорок седьмого года, в отличие от более позднего АКМ у начальника экспедиции.

– Пошли, ребята. Рацию оставить техникам и рабочим. Последним быть готовым к выходу, – спокойно велел Брусов, первым продолжая путь вдоль состава.

Не то чтобы адмирал надеялся найти на Угольной угля. Там его не было, как поговаривали старики, ещё с советских времен, но разведку за пределами земель влияния анклава провести следовало раньше, чем бросаться в омут с головой.

Солнце, как оказалось, выглянуло совсем ненадолго. Поиздевалось немного, и мир вновь окутали серые низкие облака. Сумерки обратили день в вечер. Настроение группы испортилось. Тучи принесли ненужный снег. Поскольку температура не опускалась ниже нуля, он тут же таял, пополняя собой месиво, оставшееся от утрешней оттепели. Весна как-то сразу затормозилась, и руки военспецов на прикладах АКМ остро сожалели, что перчатки – беспальцовки. Мир превратился в грязь и лужи. Мрачная, холодная картина, и замерзающие пальцы.

Угольная, как и предполагали, оказалась пустой, мёртвой, приемлемо «фонящей». Следующая остановка «Варяга» намечалась перед железнодорожной развилкой у поселка Угловое. Направо уходила линия к бывшему городу-порту Находке, слева был открыт путь к Хабаровску. И это направление стоило обследовать. Только произошла заминка.

Поезд последний раз чухнул. Брусов отворил дверь и первым погрузил в мокрый снег армейские ботинки. Ветер сдувал снежинки с рельс. «Варягу» было за что зацепиться. Не нужно ломами долбить обледенелые кучи вдоль рельс – и на том спасибо.

Чёрт с ней, с погодой. Пробуксовка случилась из-за другого. У людей, ни разу не покидавших пределы анклава, едва ли паника не началась, когда они в первый раз покинули состав. Даже на военспецов пришлось потратить немало времени, пока те стояли, держась друг за друга, и глазели на открывшиеся просторы. Особенно молодые, родившиеся под землей. Выход из состава на открытую поверхность, когда за плечами нет ворот цеха, стал для них откровением.

Брусов и сам ощутил, как немного не по себе становится на открытой поверхности после привычной замкнутости казематов. Небо давило на плечи.

– Ничего, адаптируемся. Человек ко всему привыкает.

Немало помогло время переходного периода, когда прятались по цехам на поверхности – те были довольно обширными. А вот кто совсем не боялся просторов, так это рейдеры, странствовавшие за пределами анклава. С этими людьми проблем не возникало вовсе.

– Задача простая: убедиться в том, что рельсы на развилке ведут нас дальше на Хабаровск, а не на Находку. Попутно стоит убрать любые препятствия для поезда, если таковые будут, – кратко обрисовал Брусов ситуацию ребятам.

Военотряд дослушал инструктаж и рассыпался, занимая позиции вдоль рельсовых путей и прилегающей автомобильной трассы М-60. Последняя также вела в Хабаровск, но бензина у анклава было едва ли не меньше, чем угля. И вряд ли трасса с сахарно-конфетным асфальтом, который чудесным образом «таял» после каждого дождя ещё до Войны, уцелела больше, чем железнодорожные пути.

К самому поселку Угловое, оставшимся немного в стороне от путей, Брусов заслал рейдеров и разведку. Они должны были обойти посёлок по дуге и зайти противнику в спину, если ожидалось сопротивление. Сам адмирал пошёл к пулеметам на крыше. Выглядели они эффектно, но как поведут себя в бою? Обстреливать времени не было. Дали пробный залп по стенам цеха, и всё тут – одобрено. Больше патроны тратить не решились.

– Лена, что видно?

Капитанша привстала с сиденья перед пулеметом и подняла снайперскую винтовку Драгунова с коленок. Приклад уперся в плечо, и снайперша не спеша посмотрела в прицел, готовая метко выпустить пулю в любую цель.

– Забор какой-то километрах в трёх на север. Прямо на рельсовых путях. В рост человека, – ответила она по-военному строго, посуровев.

Брусов невольно засмотрелся на нее снизу-вверх: высокая, подтянутая, лицо сосредоточенное. Дело своё знает. Не зря же получила звание капитана в столь раннем возрасте. Боец-баба.

В анклаве была особая служебная лестница, смешение сухопутных и морских званий в одну линейку. Но в экспедицию решили отправить всех в званиях сухопутных сил. Исключение, пожалуй, составлял только адмирал. Раз «Варяг» можно было считать кораблем, то прав Седых – свой адмирал должен быть по определению.

– Мощный забор?

– Отсюда видно только доски, шеф. Нехилые такие штакетины. Плотно подогнанные, без зазоров. Видимости за ними никакой.

– Понятно. Больше никакой информации?

– Там... какие-то зелёные сполохи по ту сторону.

– Сварка, что ли?

– Я не пойму.

– Сварка – это хорошо. Есть источник питания. Поделятся, может?

Брусов пробежался до последнего вагона, запрыгнул внутрь и так же быстро оказался в фиолетовом вагоне, где хранилось тяжелое оружие.

«Так, где-то он здесь был. Ящики, ящики... Ага, вот он»! – пронеслось в голове.

Калаш адмирал повесил через плечо, и ракетно-противотанковый гранатомет седьмой модели лёг в обе руки.

«Вот теперь можно и на баррикады! Где этот грёбаный забор»?

Адмирал неспешно вернулся по вагонам на улицу и пошёл вдоль состава с РПГ на плече.

– Сергеев, перестроить отряд в боевые порядки! Прикрываем друг друга и готовимся к штурму! Снести к чертям все баррикады!

Майор проводил его недоумевающим взглядом, усмехнулся, про себя, видимо, покручивая пальцем у виска.

– Ну, чего застыли? Слышали, что сказал адмирал? В атаку на редуты! Расчистим проход от сукиных детей! – обронил он насмешливо. – И чтобы каждый не забыл отдать жизнь под пулями, – чуть тише добавил он, сплюнув под ноги.

Народ, посмеиваясь над приказом о лобовой атаке и иронией майора, выстроился в линию. Крайние чуть оттянулись назад, так что получился «клин». Брусов с гранатометом на плече оказался на острие этого клина.

«Вот дадут сейчас по головам хорошей пулеметной очередью, и поляжем все. Вот же поспешил. Старею. Прав майор», – прокрутилось в голове адмирала. – «Сколько до забора? Километр... восемьсот... семьсот... всё! Пора»!

Брусов присел на колено и положил гранатомет на плечо. Целиться долго не пришлось. Палец плавно спустил курок, и снаряд помчался к препятствию. Отбросив гранатомет, батя взял автомат из-за плеча и первым побежал к дыре в заборе. Народ тут же поспешил следом. Без оглядки на Сергеева.

Каким-то диким восторгом отозвалось сердце адмирала, когда снаряд угодил аккурат в редут, разнося все по щепочкам. Если там и готовили засаду, то теперь они все точно лежат оглушенные. На бегу рука командира сорвала с броника гранату, и, перед тем как сигануть в дырку в заборе, Брусов метнул её в проход, чтобы расчистить от вероятного противника.

Взрыв гранаты совпал с первым выстрелом, раздавшимся за редутом. Он же оказался единственным. За забор группа влетела без страха получить немедленную пулю в горло.

Увиденная картина подбросила адреналина в кровь: трое «свободных», как сами себя называли эти головорезы, с самодельными обрезами лежали возле забора. Их так или иначе зацепило выстрелом с гранатомета, а вот ручной гранатой раскидало ещё двоих. Одного мужика с охотничьим ружьем просто отшвырнуло, оглушив, а парня, что помоложе, зацепило осколками по животу. Кровь быстро пропитывала тающий снег, кишки вывалились наружу. Вывод прост – не жилец.

Но самое интересное происходило на другой стороне лагеря. Четверо человек в странных цветных костюмах с головы до пят стояли в ореоле зелёного света, а группа головорезов стреляла в них со всех сторон. Пули отскакивали от незримой брони, высекая тот самый зелёный свет. За оболочкой часто мелькающего света была видна только поднятая рука подростка. Трое сверстников держались позади него.

И тут один из них вытянул руку вперёд, и сразу троих вольников снесло как будто столпом огня. Брусов как-то раз видел огнемет, но там огонь был гораздо естественнее. Этот же был больше похож на оружие Искателей. Но только по байкам.

Странный огонь потёк от руки парня, как напалм, выжигая врагов анклава. Засмотревшись на это чудо, Брусов не успел среагировать на движение на периферии зрения, и кто-то из группы справа от него первым открыл огонь на поражение. У дальнего сугроба кто-то вскрикнул и затих. Группа рассыпалась вдоль редутов, без приказа добивая раненых и атакуя в спину «свободных», которые, казалось, и не заметили атаки на редут. Большая часть их внимания была сконцентрирована на уничтожении четвёрки в зелёной сфере.

– Людей в сфере не трогать! – крикнул Брусов, явно выделяя гостей лагеря среди прочих. Он никогда не видел таких плотных костюмов, что не свисали бесформенной кучей химзащиты на бронниках, а плотно облегали какую-то внутреннюю броню. – А «свободных» выжечь!

Брусову не стоило добавлять, что, перегородив пути, свободные от уз совести и чести враги сами объявили войну анклавовцам, да и пленных кормить было нечем.

От рельсов, уводивших в сторону от необходимого пути, донеслись встречные выстрелы, крики. Часть группы с адмиралом поспешила на звук. Там должны были обойти поселок рейдеры с разведчиками.

«Вступили в бой»? – мелькнуло в голове адмирала.

Вражеская пуля тут же чиркнула ему по каске, больно отдав в шею. Он пригнулся, временно остановившись и растеряв мысли. В глазах замельтешило.

Майор Сергеев продолжил бег. Каждый его солдат бежал вприсядку, короткими перебежками. Когда же раздалась очередь – все попадали в снег и поползли. Лучше ползком, но живыми. Верная тактика, чтобы не получить шальную пулю.

Со стороны поселка от ближайших домов послышался взрыв гранаты. Затем короткая очередь – и всё стихло.

Брусов встал во весь рост, разминая шею. Группа поднялась со снега и поспешила к поселку с автоматами наперевес.

На связь вышли рейдеры.

– Командир, приём. Тёма ранен, – пискнула рация.

Брусов отцепил от кармана рацию, надавил клавишу.

– Что случилось? Где вы?

– Мы на проселочной трассе в центре поселка. Тут двое автоматчиков окопались. Тёма высунулся, уничтожив обоих гранатой, но его в руку зацепило очередью. Прикройте, что ли. Мало ли кто еще в поселке окопался.

– Ребята выдвинулись к вам, ждите, – ответил Брусов и добавил уже для других людей, ведь все рации были настроены на одну частоту. – Смирнова, Кузьмич, вы на связи?

– Да, шеф, – первой отозвалась суровая снайперша на дежурстве.

– Куда ж нам деться? – донеслось от пожилого машиниста, готового в любой момент бросить поезд в бой, «лбом» протаранив все преграды.

– Капитан, медиков на редуты зашли. Сама бери рабочих – и идите на расчистку путей. Рельсы вроде смотрят на запад, как нам и надо. Так что как расчистят путь, Кузьмич, прогоняй состав дальше тихоходом. Мы с группой пройдемся по поселку. Сейчас раненого на редуты доставят.

– Я не раненый, я жутко сожалеющий, – хмыкнула рация, донося голос рейдера Артёма.

То ли герой, то ли балбес, раз высунулся против автоматчиков с гранатой. Брусов решил, что стоит присмотреться к нему поближе. А по задорному голосу выходило, что раненый рейдер чувствовал себя неплохо. Или просто состояние шока, а потом будет полдня просить спирта. В первые минуты можно вовсе не замечать ранения. А когда выветрится адреналин, ощутит, как с болью приходит расплата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.